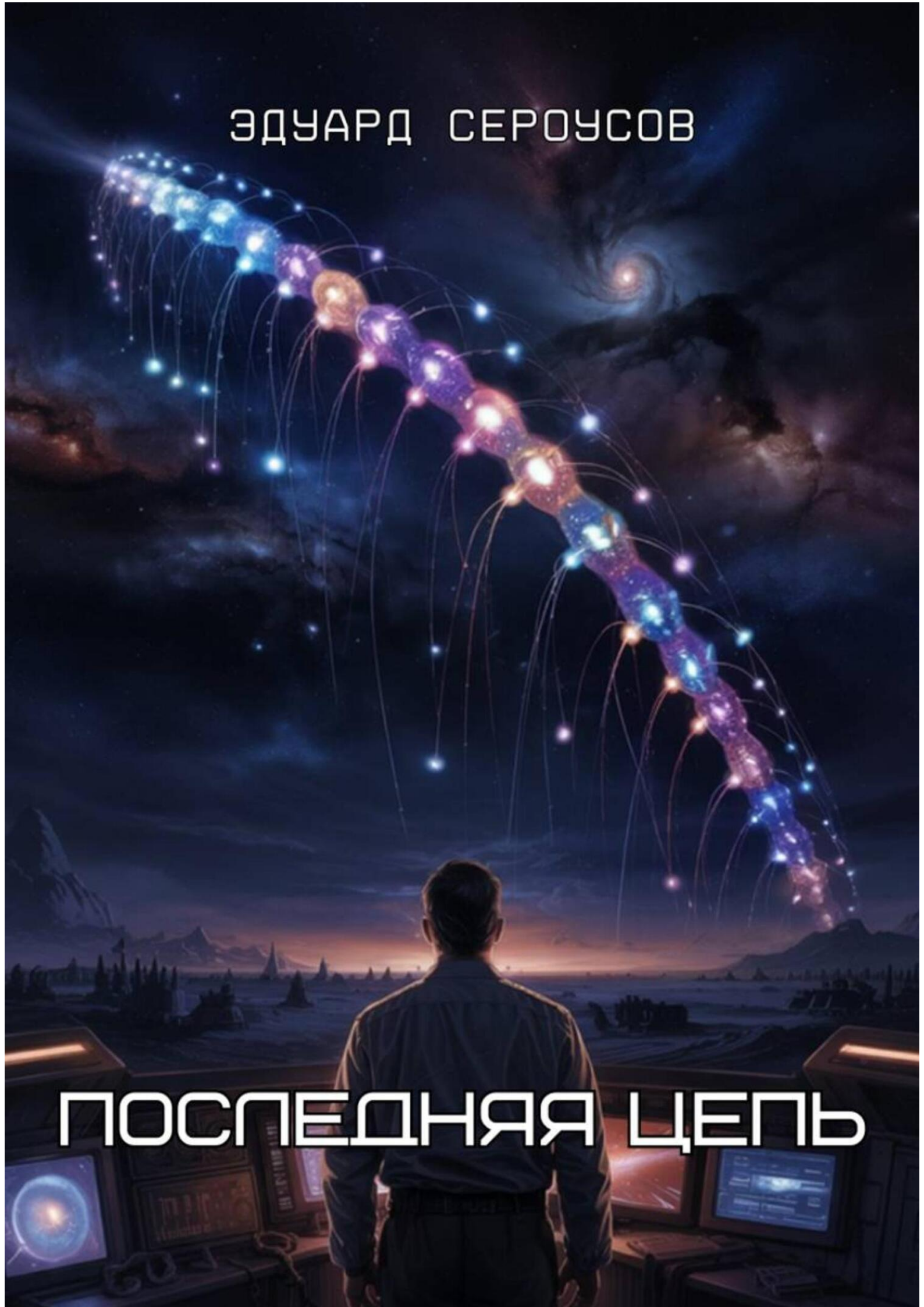

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ЦЕПЬ

Эдуард Сероусов

Последняя цепь

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Последняя цепь / Э. Сероусов — «Автор», 2025

2847 год. Командор Калёб Тайген возвращается к Цепи Предтеч — загадочной мегаструктуре из трёхсот нейтронных звёзд, где двадцать лет назад погибла его жена. Официальная миссия — исследование. Тайная — найти способ уничтожить древнюю машину, которую правительство считает угрозой. Но чем глубже Калёб погружается в тайны Цепи, тем яснее понимает: она не оружие, а спасение. Единственный шанс защитить галактику от катастрофы, которая придёт через миллионы лет. Теперь ему предстоит сделать выбор: выполнить приказ — или стать мятежником ради будущего, которого он никогда не увидит. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог: Касторея	5
Часть I: Возвращение к цепи	20
Глава 1: Призраки в свете нейтронных звезд	20
Глава 2: Первый контакт	41
Глава 3: Под поверхностью	59
Глава 4: Артефакт	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Эдуард Сероусов

Последняя цепь

Пролог: Касторея

Сектор Тау, 2827 год Научно-исследовательский корабль «Касторея» 47 световых лет от ближайшей колонии

Кaleb Тайген стоял у панорамного иллюминатора командного мостика, и бесконечная чернота космоса смотрела на него в ответ. В двадцать семь лет он был самым молодым командиром исследовательского судна класса «Пионер» в истории Конфедерации – факт, который одновременно наполнял его гордостью и тревогой. Особенно сейчас, когда «Касторея» углублялась в регион пространства, куда ещё не заходил ни один человеческий корабль.

За толстым кварцевым стеклом, усиленным силовыми полями, простиралась межзвёздная пустота сектора Тау. Здесь, на самом краю изученного космоса, звёзды казались редкими искрами, разбросанными по чёрному бархату вечности. Ближайшее солнце находилось в двенадцати световых годах – тусклый красный карлик, слишком холодный даже для самых неприхотливых форм жизни.

Кaleb провёл ладонью по гладкой поверхности подлокотника командного кресла – жест, ставший для него ритуалом за восемь месяцев экспедиции. Корабль отзывался на прикосновение едва уловимой вибрацией: термоядерные реакторы в его чреве работали на семидесяти процентах мощности, питая двигатели и системы жизнеобеспечения для сорока четырёх членов экипажа.

– Командор, – голос лейтенанта Чена прорезал тишину мостика, – мы приближаемся к расчётной точке. До источника аномалии три астрономических единицы.

Кaleb повернулся к тактическому дисплею. На голографической проекции мерцала трёхмерная карта пространства вокруг «Касторея» – и там, впереди по курсу, пульсировала алая точка, обозначавшая нечто, чему у науки пока не было названия.

Гравитационная аномалия. Четыре месяца назад автоматические зонды на периферии сектора Тау зафиксировали странные возмущения в ткани пространства-времени. Сигнатуры не соответствовали ни одному известному природному явлению – ни чёрной дыре, ни нейтронной звезде, ни даже экзотическому объекту вроде кротовой норы. Данные указывали на что-то... иное.

И «Касторея» была послана выяснить, что именно.

– Доктор Тайген просила передать, что она закончила калибровку спектрометров и поднимается на мостик, – добавил Чен, и лёгкая улыбка тронула его губы. Весь экипаж знал о том, что командор и главный астрофизик состоят в браке уже три года. Это было необычно для исследовательских миссий – но Кaleb настоял, что никто лучше Элизы не справится с научной частью экспедиции. И он был прав.

Двери мостика разъехались с тихим шипением, и Кaleb почувствовал, как что-то тёплое разливается в груди при виде жены. Элиза Тайген вошла стремительной походкой, её тёмные волосы были собраны в практичный хвост, а карие глаза горели тем особенным светом, который появлялся в них всякий раз, когда она была на пороге открытия.

– Ты должен это увидеть, – сказала она вместо приветствия, активируя свой планшет. – Новые данные со спектрометров. Кaleb, это невероятно.

Она подошла к центральному голографическому столу и вывела на него массив информации. Цифры и графики заплясали в воздухе, складываясь в картину, от которой у Калеба перехватило дыхание.

– Смотри на эти спектральные линии, – Элиза указала на серию пиков в ультрафиолетовом диапазоне. – Это не естественное излучение. Слишком упорядоченное, слишком... правильное. А вот это, – она увеличила другой сегмент данных, – гравитационные волны. Они повторяются с периодичностью в 4,7 секунды. Идеально.

– Пульсар? – предположил старший помощник Рейес, склонившийся над столом.

Элиза покачала головой:

– Пульсары так не работают. Их периоды измеряются долями секунды или минутами, не этим странным промежутком. И посмотри на массу объекта – по нашим расчётам, источник аномалии имеет массу примерно в полторы солнечных. Это consistently с нейтронной звездой, но... – она сделала паузу, и в её голосе появились нотки благоговения, – нейтронные звёзды не генерируют такие паттерны излучения. Никогда.

Кaleb внимательно изучал данные. Его мозг, натренированный годами работы в астрофизике – до того, как он перешёл на командную должность, – выстраивал модели и отбрасывал их одну за другой.

– Ты хочешь сказать, что это искусственный объект? – спросил он тихо.

Элиза встретила его взгляд. В её глазах плескались одновременно восторг и страх.

– Я хочу сказать, что мы, возможно, нашли первое неопровержимое доказательство существования Предтеч.

Тишина повисла над мостиком, словно физически осязаемая сущность. Каждый офицер замер на своём посту. Предтечи – легендарная цивилизация, оставившая загадочные артефакты по всей галактике. Врата Андромеды. Обсерватории-монолиты. Хранилища с неизвестным содержимым. За четыреста лет изучения человечество так и не смогло понять, кто их создал, зачем и куда исчезли создатели.

– Это... – начал Рейес и осёкся, не находя слов.

– Это меняет всё, – закончил за него Кaleb. Он выпрямился, принимая командную позу, хотя внутри его охватывал тот же трепет, что и остальных. – Лейтенант Чен, передайте на Землю по квантовому каналу: обнаружен объект потенциально искусственного происхождения. Координаты прилагаются. Продолжаем сближение для детального изучения.

– Есть, командор. – Чен повернулся к своей консоли, и его пальцы забегали по сенсорной панели.

Кaleb подошёл к Элизе, встав рядом с ней у голографического стола. Их плечи почти соприкасались – маленький жест близости, который они позволяли себе даже на службе.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он негромко.

Элиза усмехнулась:

– Как человек, который, возможно, только что сделал величайшее открытие в истории. И одновременно как человек, который понятия не имеет, во что мы ввязываемся.

– Это честный ответ.

– Ты ведь знаешь, что я не умею врать. Особенно тебе.

Он накрыл её ладонь своей – мимолётное прикосновение, почти незаметное для окружающих.

– Мы будем осторожны. Сначала дистанционное сканирование, потом – если всё безопасно – ближний подход. По протоколу.

Элиза кивнула, но в её глазах мелькнуло что-то – тень беспокойства, которую она быстро спрятала за профессиональной маской.

– По протоколу, – повторила она. – Конечно.

Следующие шесть часов «Касторея» медленно сокращала дистанцию до источника аномалии. Термоядерные двигатели работали в экономичном режиме, выбрасывая плазменные

струи, которые разгоняли корабль до семи процентов скорости света. При такой скорости релятивистские эффекты были пренебрежимо малы, но Калеб всё равно приказал вести постоянный мониторинг временной дилатации – на случай, если вблизи аномалии начнутся искажения пространства-времени.

Постепенно объект проступал из темноты космоса, словно древний левиафан, поднимающийся из глубин океана. Сначала – лишь точка на сенсорах, чуть более яркая, чем фоновое излучение. Потом – расплывчатое пятно, окружённое ореолом ионизированного газа. И наконец – когда «Касторея» приблизилась на одну астрономическую единицу – картина стала чёткой.

Калеб стоял перед главным экраном, и его разум отказывался принять то, что видели глаза.

Нейтронная звезда – крошечный сверхплотный объект диаметром всего в двадцать километров – висела в пространстве, окутанная сиянием раскалённой плазмы. Это было ожидаемо. Но от неё в обе стороны тянулись... нити. Материальные структуры толщиной в сотни метров и длиной, уходящей далеко за пределы видимости сенсоров. Они светились тусклым голубоватым светом, словно выкованные из застывшего звёздного огня.

– Господи, – прошептал кто-то за спиной Калеба.

– Длина видимых сегментов – примерно три световых года, – доложила Элиза, её голос дрожал от едва сдерживаемого волнения. – И судя по траектории, они ведут к другим массивным объектам. Калеб, это не одиночная структура. Это... сеть. Или цепь.

– Цепь?

– Посмотри. – Она вывела на экран реконструкцию данных. – Мы видим только малую часть, но экстраполяция показывает: эти нити соединяют нейтронные звёзды между собой. Десятки, возможно сотни объектов, связанных материальными структурами через сотни световых лет.

Калеб почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Масштаб происходящего был... невозможен. Человечество гордилось своими достижениями – межзвёздными кораблями, орбитальными станциями, терраформированными мирами. Но это... это было творение богов.

– Состав нитей? – спросил он, заставляя себя мыслить аналитически.

– Невероятно. – Элиза выглядела потрясённой. – Стабилизированное нейтронное вещество. Плотность порядка десяти в четырнадцатой степени граммов на кубический сантиметр. Такое просто не может существовать в свободном состоянии – оно должно мгновенно распадаться без гравитации нейтронной звезды. Но что-то удерживает его в стабильном состоянии. Какое-то поле, которое мы не распознаём.

– Предтечи... – Рейес произнёс это слово так, будто оно было молитвой.

– Или кто-то ещё, – осторожно добавила Элиза. – Мы не знаем, кто это построил. Но судя по возрасту нейтронных звёзд и степени деградации орбит... этой структуре не менее восьмисот миллионов лет.

Восьмисот миллионов лет. Когда это было создано, на Земле ещё не появились первые многоклеточные организмы. Жизнь только начинала своё долгое восхождение из первичного океана, а где-то здесь, в бездне космоса, некая цивилизация уже возводила мегаструктуры из звёздного вещества.

– Мы должны подойти ближе, – сказала Элиза. В её голосе звучала страсть исследователя, готового рискнуть всем ради знания. – Нам нужны образцы. Детальные сканы. Мы должны понять, как это работает.

Калеб колебался. Что-то – интуиция, отточенная годами космических полётов – подсказывало ему, что здесь нужна осторожность. Но научное любопытство боролось со страхом, и любопытство побеждало.

– Сближение, – приказал он. – Но медленно. И держите все системы обороны в готовности.

«Касторея» подходила к нейтронной звезде по спирали, словно хищная птица, кружащая над добычей. Каждый виток приближал их к цели – и каждый виток приносил новые данные, от которых у научной команды захватывало дух.

Калёб стоял на мостике, наблюдая за работой экипажа. Вокруг него царила атмосфера сосредоточенной деятельности: операторы склонились над консолями, техники проверяли показания приборов, офицеры негромко переговаривались. Воздух пах озоном и переработанным кислородом – привычный запах космического корабля, который давно стал для Калеба запахом дома.

Он посмотрел на часы. Прошло уже четырнадцать часов с момента первого обнаружения структуры, и всё это время они медленно приближались, собирая данные. Усталость начинала давать о себе знать – лёгкая тяжесть за глазами, напряжение в плечах. Но остановиться было невозможно. Не сейчас, когда они стояли на пороге величайшего открытия в истории человечества.

Элиза работала за своей станцией, погружённая в анализ спектрограмм. Её пальцы порхали над голографической клавиатурой, вводя команды и корректируя параметры сканирования. Калёб позволил себе несколько секунд просто смотреть на неё – на сосредоточенную складку между бровями, на прядь волос, выбившуюся из хвоста, на едва заметную улыбку, появлявшуюся каждый раз, когда данные подтверждали её гипотезы.

Он любил её. Любил с той отчаянной, всепоглощающей силой, которая пугала его самого. В космосе, где смерть всегда рядом, такая любовь была одновременно благословением и проклятием. Благословением – потому что делала каждый день осмысленным. Проклятием – потому что удесyatеряла страх потери.

Нити – или, как их окрестила Элиза, «проводники» – были не просто материальными структурами. Внутри них текли потоки энергии и, возможно, информации. Спектральный анализ показывал модуляции гравитационных волн – сложные паттерны, слишком упорядоченные для природного явления.

– Это компьютер, – объявила Элиза на совещании старших офицеров, проведённом в конференц-зале корабля. Вокруг овального стола собрались восемь человек – командный состав «Касторея». – Вся эта структура – гигантский вычислительный механизм. Нейтронные звёзды служат процессорами, используя квантовые флуктуации в своей коре для обработки данных. Проводники передают информацию между узлами через модуляции гравитационных волн.

– Вычислительный механизм? – переспросил главный инженер Варма. – Для чего?

– Понятия не имею, – честно ответила Элиза. – Но вычислительная мощность этой системы... даже по самым скромным оценкам, она превышает всё, что когда-либо создавало человечество, в миллиарды раз. Может быть, в триллионы.

Калёб сложил руки на столе:

– Какие риски при ближнем сближении?

Варма прокашлялся:

– Радиация от нейтронной звезды – серьёзная проблема. Наши щиты рассчитаны на звёздные вспышки, но не на постоянное воздействие такой интенсивности. При подходе ближе чем на пять миллионов километров экипаж начнёт получать опасные дозы.

– А приливные силы?

– На такой дистанции – терпимо. Но если подойти ближе... гравитация нейтронной звезды чудовищна. Даже на расстоянии в тысячу километров разница в притяжении между носом и кормой корабля разорвёт нас на части.

Элиза подняла руку:

– Есть ещё кое-что. Мы зафиксировали... активность. В магнитосфере звезды.

Все взгляды обратились к ней.

– Какую активность? – спросил Калев, и его голос стал жёстче.

– Объекты. Тысячи мелких объектов, движущихся по орбитам вокруг звезды. Сначала мы приняли их за астероиды, но их траектории слишком правильные. Они... патрулируют.

Тишина.

– Ты хочешь сказать, что там есть охрана? – медленно произнёс Рейес.

– Я хочу сказать, что мы, возможно, не единственные гости здесь. Или... или это автономные системы защиты. Как дроны.

Калев встал, упираясь ладонями в стол:

– Почему ты не сообщила об этом раньше?

Элиза выдержала его взгляд:

– Потому что я не была уверена. Данные неоднозначны. Это могут быть просто обломки, захваченные гравитацией. Но чем ближе мы подходим, тем яснее картина. И она мне не нравится.

Калев провёл рукой по коротким тёмным волосам – жест, выдававший внутреннее напряжение.

– Мнения?

Варма покачал головой:

– Я бы рекомендовал отступить. Отправить беспилотные зонды, получить больше данных, вернуться с подготовленной экспедицией.

– Согласен, – поддержал его офицер безопасности Коннор. – Мы исследовательское судно, не боевое. Если там есть системы защиты...

– Если мы уйдём сейчас, – перебила Элиза, – мы можем упустить шанс, который выпадает раз в тысячелетие. Эта структура активна. Она работает. Кто знает, как долго это продлится? Может быть, через год, через десять лет она отключится, и мы никогда не узнаем её секретов.

– А может быть, она убьёт нас, – холодно возразил Коннор.

Элиза повернулась к нему:

– Каждый из нас знал, на что идёт, когда записывался в экспедицию. Мы здесь не для того, чтобы играть в безопасность. Мы здесь, чтобы раздвигать границы знания.

Калев поднял руку, прерывая спор:

– Достаточно. – Он помолчал, взвешивая аргументы. Часть его – та, что любила Элизу и хотела защитить её любой ценой – требовала немедленного отступления. Но другая часть – командир, учёный, исследователь – понимала, что жена права.

– Компромисс, – объявил он наконец. – Мы подойдём на безопасную дистанцию – десять миллионов километров. Запустим автономные зонды для ближнего сканирования. Если зонды не столкнутся с противодействием, рассмотрим дальнейшее сближение. Если столкнутся – немедленное отступление. Всем согласны?

Молчаливые кивки вокруг стола.

– Хорошо. По местам.

Зонд «Меркурий-7» был крошечным по меркам космических аппаратов – цилиндр длиной в три метра, начинённый сенсорами и маломощным ионным двигателем. Он отделился от «Касторея» и устремился к нейтронной звезде, постепенно набирая скорость.

Кaleb наблюдал за его продвижением с мостика, окружённый офицерами и техниками. Элиза стояла рядом, её пальцы нервно постукивали по планшету.

– Три миллиона километров до цели, – доложил оператор сенсоров. – Телеметрия стабильна.

На экране нейтронная звезда выглядела как сияющий глаз циклопа, окружённый вихрями раскалённого газа. Проводники уходили от неё в обе стороны, исчезая в бесконечности. И там, в магнитосфере, мерцали тысячи крошечных точек – те самые объекты, которые обнаружила Элиза.

– Два миллиона километров. Начинаю детальное сканирование поверхности звезды.

Данные полились потоком. Кaleb видел, как глаза Элизы расширяются от изумления по мере того, как картина становилась яснее.

– Боже мой, – прошептала она. – Там города.

– Что?

– Смотри. На поверхности звезды. Эти структуры – не просто процессорные блоки. Это... здания. Инфраструктура. Кто-то жил здесь. Или живёт.

Кaleb вглядывался в изображение, и действительно – среди бушующих плазменных океанов виднелись геометрические формы. Правильные, искусственные. Постройки из материала, способного выдержать температуру в миллионы градусов и гравитацию, в миллиарды раз превышающую земную.

– Один миллион километров, – продолжал оператор. – Зонд приближается к внешней границе магнитосферы.

И тогда это произошло.

Сначала – едва заметное изменение в паттернах движения тех крошечных объектов. Потом – резкое ускорение, словно рой разбуженных ос. Точки на экране пришли в движение, сходясь к одной цели.

– Активность в магнитосфере! – крикнул оператор. – Объекты меняют траектории, курс на перехват зонда!

– Сколько их? – Голос Калеба был спокоен, но его кулаки сжались.

– Сотни. Нет, тысячи. Они... о господи...

Камера зонда зафиксировала их в деталях на долю секунды, прежде чем всё закончилось. Машины – другого слова Кaleb подобрать не мог. Металлические конструкции размером с человека, угловатые и хищные, с выступами, которые могли быть оружием или сенсорами. Они двигались с невозможной скоростью, игнорируя законы инерции, словно гравитация не имела над ними власти.

Экран мигнул и погас.

– Потеря связи с зондом, – доложил оператор мёртвым голосом.

Несколько секунд все молчали. Потом Элиза тихо произнесла:

– Они его уничтожили. За доли секунды.

Кaleb повернулся к рулевому:

– Полный назад. Сейчас.

– Есть, командор.

Двигатели «Касторея» взревели, выбрасывая потоки плазмы. Корабль начал разворот, уходя от нейтронной звезды.

Но было уже поздно.

Первый удар пришёлся на левый двигательный модуль. «Касторея» содрогнулась, словно великан ударил её кулаком, и аварийные сирены взвыли по всему кораблю.

– Повреждения в секторе семь! – кричал кто-то. – Разгерметизация!

Калёб вцепился в поручень, удерживая равновесие:

– Что это было?

– Неизвестно! Сенсоры не фиксируют снаряд, но что-то пробило обшивку!

Второй удар. На этот раз – центральная секция. Свет на мостике мигнул и погас, сменившись красным аварийным освещением.

– Калёб! – Элиза схватила его за руку. В её глазах плескался страх – не за себя, за него, за экипаж, за всё.

– Оружие? – крикнул он в пустоту.

– Онлайн! Но мы не видим целей! Они слишком быстрые, слишком маленькие!

Третий удар вырвал кусок корпуса в районе медицинского отсека. Калёб услышал по интеркому крики умирающих – люди, захваченные декомпрессией, выброшенные в вакуум.

– Боевая тревога! Все к спасательным капсулам!

Он бежал по коридору, таща Элизу за собой. Вокруг царил хаос: мигающий свет, стонущий металл, вой сирен. Экипаж метался в панике, пытаясь добраться до капсул.

Четвёртый удар. Пятый. Корабль разваливался на части, словно его потрошила невидимая рука.

Они добрались до спасательного отсека. Три капсулы из восьми были уже уничтожены – чёрные дыры в переборках на их месте. Люди толпились у оставшихся, пытаясь забраться внутрь.

– Сюда! – Калёб втолкнул Элизу в ближайшую капсулу. – Быстро!

– А ты?

– Я за тобой!

Он повернулся, чтобы помочь раненому технику. И в этот момент очередной удар потряс корпус. Переборка справа смялась, словно бумага, и Калёба отбросило к стене.

Мир расплылся. Боль пронзила левую сторону лица – осколок. Кровь залила глаз. Сквозь пелену он увидел, как Элиза выскакивает из капсулы и бежит к нему.

– Нет! – прохрипел он. – Назад!

Но она уже была рядом, поднимая его, закидывая его руку себе на плечо.

– Не смей умирать, – прошептала она ему на ухо. – Слышишь меня? Не смей.

Они ковыляли к капсуле. Вокруг всё рушилось – корабль агонизировал под непрекращающимися ударами невидимого врага. Калёб чувствовал, как силы покидают его, как сознание ускользает...

Элиза затолкала его в капсулу.

– Элиза, залезай...

– Одно место, – сказала она. И улыбнулась – той улыбкой, которую он любил больше всего на свете. – Одно место, Калёб. И это твоё.

– Нет!

Он попытался встать, выбраться, вытащить её внутрь. Но она уже нажимала кнопку аварийного запуска. Люк захлопнулся перед его лицом.

Через крошечный иллюминатор он видел её – стоящую в агонизирующем коридоре, окружённую огнём и смертью. Она приложила ладонь к стеклу.

Её губы шевельнулись. Он не слышал слов через толщу металла и вакуум, но читал по губам.

«Сделай это правильно».

Капсула выстрелила в пространство.

Калёб плыл в темноте, прижавшись лицом к иллюминатору. Кровь из раны на лице засыхала, стягивая кожу. Боль была где-то далеко – отстранённая, нереальная.

«Касторея» умирала перед его глазами.

Корабль, его дом последние восемь месяцев, разрывался на части. Невидимые удары вспарывали корпус, выбрасывая в вакуум обломки и тела. Кaleb видел, как один из модулей отделился и взорвался – термоядерное топливо сдетонировало, превратив металл в плазму.

Где-то там была Элиза.

Он бил кулаками по стеклу, кричал что-то бессвязное. Система жизнеобеспечения капсулы пискнула, впрыскивая седативы в его кровоток, но он сопротивлялся, не желая пропустить ни секунды.

И тогда он увидел их.

Они выплыли из темноты, как призраки, – тысячи крошечных машин, окружающих останки «Касторея». Они двигались с пугающей грацией, словно косяк хищных рыб. Угловатые, металлические, чуждые.

Дроны не обращали внимания на его капсулу. Возможно, она была слишком мала, слишком незначительна. Или они уже достигли своей цели – нейтрализовать угрозу.

Последний удар.

Реактор «Касторея» – массивное термоядерное сердце корабля – не выдержал. Вспышка была такой яркой, что фильтры иллюминатора потемнели, защищая его глаза. Когда зрение вернулось, на месте корабля осталось лишь расширяющееся облако раскалённого газа и обломков.

Сорок четыре человека.

Элиза.

Кaleb закрыл глаза и позволил седативам забрать себя в темноту.

Он очнулся через четырнадцать часов, когда спасательный маяк капсулы наконец достиг ближайшего релейного узла связи. Системы диагностики сообщали, что он единственный выживший. Сорок три человека погибли. Включая доктора Элизу Тайген, главного астрофизика экспедиции.

Его жену.

Кaleb лежал в тесном пространстве капсулы, глядя в потолок невидящими глазами. Слезы текли по щекам, смешиваясь с засохшей кровью.

За иллюминатором, в невообразимой дали, тускло мерцала нейтронная звезда – первое звено загадочной цепи, простирающейся через сотни световых лет. Древняя, непостижимая, смертоносная.

Он не знал тогда, что вернётся.

Не знал, что двадцать лет будут преследовать его кошмары о том дне.

Не знал, что та структура изменит судьбу галактики.

Всё, что он знал в тот момент – это пустота в груди, на том месте, где раньше было сердце.

Капсула плыла в бесконечной темноте, унося его прочь от места трагедии.

Три дня назад – целую вечность назад – они с Элизой сидели в её каюте, и она показывала ему первые аномальные показания, пришедшие с автоматических зондов. Кaleb помнил каждую деталь того вечера: приглушённый свет, запах переработанного воздуха с лёгким привкусом озона от систем очистки, тепло её плеча, прижатого к его.

– Смотри, – говорила она, водя пальцем по голографическому экрану планшета. Её глаза светились тем особенным светом, который появлялся всегда, когда она была на пороге чего-то большого. – Видишь эти пики? Это не шум. Это паттерн.

Кaleb тогда наклонился ближе, всматриваясь в график. Данные действительно выглядели странно – слишком упорядоченные для естественного явления, слишком регулярные.

– Похоже на пульсар, – предположил он.

– Вот именно – похоже. Но не совсем. – Элиза встала и подошла к иллюминатору своей каюты. За толстым стеклом простиралась бесконечность космоса – россыпь далёких звёзд на чёрном бархате пустоты. – Пульсары не дают такого спектра. И эта периодичность – 4,7 секунды. Нет известного физического процесса, который бы генерировал именно такой интервал.

Кaleb подошёл к ней, обнял сзади. Она привычно откинулась на его грудь.

– Что ты думаешь? – спросил он тихо.

– Я думаю, что это может быть искусственным, – ответила она ещё тише, будто боялась, что кто-то подслушает. – Кaleb, я думаю, что мы нашли что-то... созданное.

Он молчал, обдумывая её слова. За пятнадцать лет знакомства – с тех пор, как они встретились студентами в Марсианском технологическом университете – он научился доверять её интуиции. Элиза редко ошибалась. И когда она говорила с такой уверенностью...

– Мы должны это проверить, – сказал он.

Элиза повернулась в его объятиях, глядя снизу вверх. Несмотря на разницу в росте – почти двадцать сантиметров – она никогда не казалась маленькой рядом с ним. В ней была сила, которую трудно было выразить словами.

– Ты знаешь, что это опасно, – сказала она. – Если там действительно что-то есть...

– Если там что-то есть, – перебил он, – мы должны это увидеть. Ради этого мы здесь.

Она улыбнулась – той улыбкой, за которую он влюбился в неё много лет назад. Чуть кривоватой, как будто она знала какой-то секрет, которым не собиралась делиться.

– Ты знаешь, за что я тебя люблю? – спросила она.

– За мой блестящий ум и скромное обаяние?

– За то, что ты такой же безрассудный, как я.

Она поцеловала его – долгий, медленный поцелуй, который обещал больше, когда закончится вахта. А потом отстранилась и снова стала серьёзной.

– Я напишу отчёт, – сказала она деловым тоном. – Изложу факты, обоснование для сближения. Ты представишь его команде завтра на брифинге.

– А ты?

– А я буду калибровать спектрометры. Если мы действительно найдём там то, что я думаю... нам понадобится лучшее оборудование.

Кaleb кивнул. Это была Элиза – всегда на шаг впереди, всегда готовая.

– Я люблю тебя, – сказал он просто.

– Знаю, – ответила она с лукавой улыбкой. – Идём, у нас много работы.

Воспоминание разорвалось, как мыльный пузырь, когда капсула тряхнулась от удара микрометеорита. Кaleb моргнул, возвращаясь в реальность. В тесноту спасательной капсулы. В одиночество.

Элиза.

Он попытался сесть, но ремни безопасности удерживали его. Дрожащими пальцами он отстегнул застёжки и приподнялся, насколько позволяло ограниченное пространство. Голова кружилась – то ли от потери крови, то ли от седативов.

Левая сторона лица горела. Кaleb осторожно коснулся раны – длинный порез от виска до скулы, уже покрытый коркой засохшей крови. Осколок едва не попал в глаз. Повезло, если это слово вообще применимо к тому, что произошло.

Он заставил себя взглянуть в иллюминатор.

«Касторея» исчезла. На её месте расширилось облако обломков – газ, металл, органика. То, что осталось от корабля и его экипажа. Сорок три человека, превращённых в межзвёздную пыль.

Варма с его бесконечными анекдотами про инженеров. Чен, который всегда улыбался, даже когда всё шло не так. Рейес, мечтавший накопить на собственный корабль и уйти в вольные торговцы. Доктор Чандра из медицинского отсека, которая научила Калеба играть в шахматы и обыгрывала его каждый раз.

И Элиза.

Элиза, которая вытолкнула его в капсулу и закрыла люк перед его лицом.

Элиза, которая сказала «Сделай это правильно» – последние слова, которых он даже не слышал.

Кaleb почувствовал, как что-то рвётся внутри него. Не физически – там было только онемение. Но где-то глубже, в той части души, которую он считал неуязвимой.

Он заплакал.

Впервые с детства он плакал – беззвучно, содрогаясь всем телом в тесном пространстве капсулы. Слезы текли по щекам, смешиваясь с кровью, капали на комбинезон. Он прижал ладони к лицу и позволил себе горевать.

Это длилось несколько минут – или часов, он потерял счёт времени. А потом, постепенно, рыдания утихли. Остались только пустота и усталость, такая глубокая, что хотелось просто закрыть глаза и позволить капсуле унести его куда угодно.

Но он не мог.

«Сделай это правильно».

Что она имела в виду? Что значит «правильно» в мире, где её больше нет?

Кaleb заставил себя сесть прямее. Осмотрел панель управления капсулой. Запасы кислорода – на семьдесят два часа. Вода – на сорок восемь. Еда – на неделю, если экономить. Спасательный маяк уже передаёт сигнал, это он помнил.

Ближайшая колония – в сорока семи световых годах. Даже на сверхсветовой скорости это месяцы пути. Но у капсулы нет сверхсветового двигателя – только маломощные ионные движки для маневрирования.

Надежда – на то, что кто-то услышит маяк. Какой-нибудь патрульный корвет или торговый корабль.

Шансы были невелики. В этом регионе космоса редко кто-то появлялся. Сектор Тау – пограничье, пустошь на краю изученного пространства.

И всё же Кaleb не собирался сдаваться.

Он потянулся к бортовому компьютеру и начал набирать сообщение – всё, что он помнил о том, что произошло. Координаты аномалии. Описание структуры. Характеристики атаки. Поведение тех машин – дронов, или чем бы они ни были.

Если он умрёт здесь, пусть хотя бы информация выживет. Пусть другие узнают, что он нашёл. И что убило его экипаж.

Его жену.

Пальцы дрожали, но он продолжал печатать. Слово за словом. Факт за фактом.

«Структура искусственного происхождения... Нейтронные звёзды соединены материальными проводниками... Автономные защитные системы... Высокая агрессивность к любому приближению...»

Он печатал часами. Описывал всё, что видел. Всё, что предполагала Элиза. Её теории о вычислительной природе структуры. Её догадки о возрасте и происхождении.

Когда он закончил, небольшой накопитель данных капсулы был заполнен почти полностью. Кaleb прикрепил файл к маяку – теперь сигнал передавал не только его местоположе-

ние, но и информацию. Самое важное открытие в истории человечества – и цену, которую пришлось за него заплатить.

После этого он откинулся на узкую койку и закрыл глаза.

Сон был милосердным – без сновидений, без кошмаров. Просто темнота, окутывающая его, как одеяло. Кaleb погрузился в неё и позволил себе забыть – ненадолго, на несколько часов, – что мир изменился навсегда.

Его разбудил писк бортового компьютера.

Он рывком открыл глаза, дезориентированный, и несколько секунд не мог понять, где находится. Потом память вернулась – болезненным ударом под дых.

Капсула. Космос. Одиночество.

Компьютер продолжал пищать. Кaleb сфокусировал взгляд на экране и почувствовал, как сердце пропускает удар.

ВХОДЯЩИЙ СИГНАЛ. ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ПАТРУЛЬНЫЙ КОРВЕТ «НЕМЕЗИДА». РАСЧЁТНОЕ ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ: 18 ЧАСОВ 47 МИНУТ.

Его нашли.

Кто-то слышал маяк. Кто-то шёл за ним.

Кaleb хотел почувствовать облегчение. Радость. Что угодно. Но внутри была только пустота.

Он выживет. Вернётся в цивилизацию. Расскажет о том, что видел.

А потом?

Потом начнётся самое трудное – жить дальше. Без неё.

«Немезида» – небольшой патрульный корвет с экипажем в двенадцать человек – подобрала капсулу точно в расчётное время. Калеба перенесли на борт и поместили в медицинский отсек, где корабельный врач обработал рану на лице и провёл полную диагностику.

Трещина в левой скуловой кости. Множественные порезы и ушибы. Лёгкое обезвоживание. Начальная стадия шока.

Физически он должен был полностью восстановиться.

Психически – вопрос оставался открытым.

Капитан «Немезиды», седовласый офицер по имени Маркус Штейн, пришёл к нему в первый же день.

– Командор Тайген, – сказал он негромко, садясь у его койки, – я прочитал ваш отчёт. То, что вы описываете...

– Это правда, – перебил Кaleb. Его голос был хриплым, сорванным. – Каждое слово.

Штейн кивнул медленно:

– Я не сомневаюсь. Сенсоры вашей капсулы зафиксировали часть событий. Взрыв, обломки... – Он помолчал. – Мне очень жаль о вашем экипаже. О вашей жене.

Кaleb отвернулся к переборке. Не хотел, чтобы капитан видел его лицо.

– Мы направляемся к ближайшей станции, – продолжал Штейн. – Оттуда вас переправят на Землю. Командование захочет услышать всё из первых уст.

– Они должны отправить флот, – сказал Кaleb глухо. – То, что там находится... это величайшее открытие в истории. И величайшая угроза.

– Решение не за мной, командор. Но я передам вашу рекомендацию.

Штейн встал и направился к двери. Уже на пороге он обернулся:

– Вы сделали всё, что могли. Помните это.

Кaleb не ответил. Он не верил в эти слова. Если бы он послушал интуицию, если бы приказал отступить раньше... может быть, все были бы живы. Может быть, Элиза...

Но «может быть» ничего не значит, когда люди мертвы.

Путь до Земли занял четыре месяца объективного времени – «Немезида» не была предназначена для дальних перелётов, и ей пришлось сделать несколько остановок на промежуточных станциях для дозаправки и ремонта.

Кaleb провёл эти месяцы в полузабытии. Ел, когда напоминали. Спал, когда удавалось. Давал показания, когда требовали. Но большую часть времени он просто смотрел в иллюминатор на проносящиеся мимо звёзды и думал.

Думал о Цепи – так он стал называть ту структуру. О нитях из нейтронного вещества, соединяющих звёзды через сотни световых лет. О городах на поверхности нейтронных звёзд, построенных существами, для которых температура в миллионы градусов была домашним теплом.

Думал о дронах – тысячах машин, защищавших структуру с безжалостной эффективностью. Они не пытались установить контакт. Не предупреждали. Просто уничтожали любого, кто подходил слишком близко.

Защитная система. Автоматическая, бессознательная, неумолимая. Работающая миллиард лет без перерыва.

И думал об Элизе. Каждый день, каждую ночь.

Вспоминал её смех – заразительный, звонкий. Вспоминал её привычку грызть кончик стилуса, когда она была сосредоточена. Вспоминал их свадьбу на орбитальной станции Марса – маленькую церемонию в присутствии дюжины друзей, с видом на ржавую планету внизу.

Вспоминал их последнюю ночь вместе, за два дня до катастрофы. Как они лежали в её каюте, переплетя пальцы, и строили планы на будущее. Дом на Титане. Дети когда-нибудь. Может быть, своя собственная экспедиция – маленький исследовательский корабль на двоих, бродящий по неизученным звёздам.

Планы, которым не суждено было сбыться.

Земля встретила его серым дождём.

Шаттл сел на космодроме в Женеве, и Калеба сразу окружили офицеры безопасности Конфедерации. Его отвезли в штаб-квартиру Космического командования – монументальное здание из стекла и бетона, возвышающееся над озером.

Следующие две недели превратились в бесконечную череду допросов, брифингов, медицинских осмотров. Кaleb рассказывал свою историю снова и снова – сначала младшим офицерам, потом старшим, потом генералам и адмиралам. Каждый раз одни и те же вопросы. Каждый раз одни и те же ответы.

Что вы видели?

Структуру из нейтронных звёзд, соединённых материальными проводниками. Вероятно, искусственного происхождения.

Как она атаковала?

Автономные дроны из магнитосферы звезды. Тысячи, может быть, миллионы единиц.

Почему вы не отступили раньше?

Мы не знали об угрозе. Системы защиты активировались только при близком подходе.

Последний вопрос всегда оставался невысказанным, но Кaleb видел его в глазах каждого, с кем разговаривал.

Почему вы выжили, когда остальные погибли?

На этот вопрос у него не было ответа. Только воспоминание о руках Элизы, толкающих его в капсулу. Только её последние слова, которых он не услышал.

Через три недели после возвращения Калеба вызвали на заседание Совета Безопасности Конфедерации.

Он стоял перед полукругом пожилых мужчин и женщин – самых влиятельных людей в человеческом космосе – и докладывал то, что уже рассказывал десятки раз. Но на этот раз ставки были выше.

– Командор Тайген, – сказал председатель Совета, высокий седовласый мужчина с непроницаемым лицом, – ваш отчёт вызвал серьёзное беспокойство. Если то, что вы описываете, правда...

– Это правда, – повторил Калеб. Он знал, что перебивать председателя – грубость, но ему было всё равно. – Данные с моей капсулы подтверждают каждое слово.

– Данные подтверждают взрыв и гибель корабля, – холодно возразил один из членов Совета, худощавый мужчина в форме адмирала. – Но ваши выводы о природе объекта... они основаны на интерпретации.

– Интерпретации моей жены, доктора Элизы Тайген, – сказал Калеб, и его голос стал жёстче. – Одного из лучших астрофизиков своего поколения. Она отдала жизнь, чтобы мы получили эту информацию.

Тишина повисла над залом.

Председатель прокашлялся:

– Никто не оспаривает героизм вашего экипажа, командор. Но Совет должен принять решение о дальнейших действиях, и нам нужна уверенность, а не гипотезы.

– Тогда отправьте ещё одну экспедицию, – предложил Калеб. – Более подготовленную, с боевым эскортом. Соберите больше данных.

– Вы только что описали, как защитные системы уничтожили ваш корабль за считанные минуты, – заметил адмирал. – И вы предлагаете отправить туда ещё людей?

Калеб сжал кулаки:

– Я предлагаю узнать, с чем мы имеем дело. Эта структура существует миллиард лет. Она работает. Она вычисляет что-то. И если мы не узнаем, что именно...

– Если мы не узнаем – что тогда? – Адмирал наклонился вперёд. – Вы думаете, эта... Цепь... представляет угрозу для человечества?

Калеб медлил с ответом. Он думал об этом бессонными ночами. Думал о масштабе структуры, о её возрасте, о безжалостной эффективности её защиты.

– Я не знаю, – признал он наконец. – Но я думаю, что мы обязаны это выяснить.

Совет совещался ещё два часа. В конце концов они приняли решение: послать дистанционные зонды для картографирования структуры на безопасном расстоянии. Пилотируемые экспедиции отложить до получения дополнительных данных.

А Калеба – отстранить от командования до завершения расследования причин гибели «Касторея».

Формулировка была мягкой: «временное отстранение в связи с психологической травмой». Но Калеб знал, что на самом деле означают эти слова.

Он стал козлом отпущения.

Кто-то должен был ответить за сорок три погибших. Кто-то должен был понести наказание за дерзость – подойти слишком близко к тому, что человечеству не следовало трогать.

И этим кем-то оказался он.

Следующие пятнадцать лет Калёб Тайген провёл на задворках человеческого космоса.

Его не уволили – формально он всё ещё оставался офицером Конфедерации. Но повышения обходили его стороной. Хорошие назначения доставались другим. Он командовал грузовыми рейсами к дальним колониям, патрулировал границы изученного пространства на устаревших кораблях, выполнял работу, которую никто больше не хотел делать.

И всё это время он следил за новостями из сектора Тау.

Зонды Конфедерации постепенно картографировали структуру. То, что обнаружила Элиза, оказалось лишь верхушкой айсберга. Цепь Предтеч – так её официально называли – состояла из трёхсот нейтронных звёзд, соединённых проводниками из стабилизированного нейтронного вещества. Общая протяжённость – около шестисот световых лет. Масса – примерно четыреста пятьдесят солнечных.

Это была крупнейшая искусственная структура, когда-либо обнаруженная человеком. Мегаструктура в истинном смысле этого слова.

И она продолжала работать.

Учёные подтвердили гипотезу Элизы: Цепь была вычислительным устройством невообразимой мощности. Гравитационные волны, передаваемые между узлами, несли информацию. Нейтронные звёзды служили процессорами. Всё вместе – компьютер размером со звёздное скопление, решающий какую-то задачу уже миллиард лет.

Но какую задачу? Никто не знал.

Защитные системы – Стражи, как их окрестили – не позволяли приблизиться. Каждая попытка отправить зонды ближе, чем на два миллиона километров к любому из узлов, заканчивалась одинаково: уничтожением аппарата за доли секунды.

Цепь хранила свои секреты.

И Калёб ждал.

Он знал – однажды придёт его время. Однажды Конфедерация поймёт, что ему не избежать возвращения к Цепи. Он был единственным живым человеком с опытом противостояния её защите – единственным, кто видел Стражей вблизи и выжил.

Рано или поздно они призовут его обратно.

И он будет готов.

Ночами, когда сон не шёл, Калёб часто думал о том, что скажет Элизе, когда вернётся к Цепи. Он знал, что это глупо – разговаривать с мёртвой женой в своих мыслях. Но не мог остановиться. Он рассказывал ей о новых теориях учёных, о данных с зондов, о политических интригах вокруг Цепи. Он делился с ней своими страхами и надеждами, своей болью и решимостью.

Иногда ему казалось, что она отвечает. Не словами – скорее, ощущением присутствия, мимолётным теплом в груди. Он понимал, что это лишь игра воображения, тоска, принимающая форму иллюзии. Но это помогало. Это давало ему силы продолжать.

Однажды он вернётся к Цепи. Однажды он узнает правду о том, что она вычисляет. Однажды он сделает это правильно – как просила Элиза.

И тогда, может быть, он наконец сможет отпустить её.

Шрам на левой стороне лица так полностью и не зажил. Регенеративная терапия могла бы убрать его без следа, но Калёб отказался от процедуры.

Ему нужно было это напоминание.

Каждое утро, глядя в зеркало, он видел тонкую белую линию, тянущуюся от виска к скуле. И вспоминал. «Касторею». Экипаж. Элизу.

«Сделай это правильно».

Он до сих пор не знал, что означали эти слова. Но он собирался узнать.

А где-то там, в бездне космоса, Цепь Предтеч продолжала своё вечное вычисление. Расчёт, которому было суждено завершиться через пятьдесят лет.

И результат этого расчёта изменит всё.

Часть I: Возвращение к цепи

Глава 1: Призраки в свете нейтронных звезд

Сектор Тау, 2847 год Флагманский корабль «Рассвет Одиссея» Подход к периферии Цепи Предтеч

Командор Калев Тайген стоял у панорамного обзорного окна флагманского мостика и смотрел на то, что убило его жену двадцать лет назад.

Цепь Предтеч простиралась перед ним во всём своём невозможном великолепии – ожерелье из трёхсот нейтронных звёзд, нанизанных на нити из стабилизированного звёздного вещества. Отсюда, с расстояния в пятьдесят световых лет, она казалась почти безобидной: россыпь мерцающих точек, соединённых тончайшими паутинками света. Но Калев знал правду. Он помнил, как эта красота превращается в смерть.

Ему было сорок семь биологических лет и шестьдесят три хронологических – разница, накопившаяся за десятилетия релятивистских путешествий. Время странным образом обходилось с космическими странниками: пока он летел между звёздами со скоростью, близкой к световой, Вселенная старела быстрее него. Друзья детства давно умерли от старости. Мир, который он знал, изменился до неузнаваемости. Но шрам на левой стороне лица остался таким же, каким был в тот день на «Касторе» – тонкая белая линия от виска до скулы, напоминание о цене, которую он заплатил за знание.

За его спиной мостик «Рассвета Одиссея» гудел приглушённой активностью. Это был совсем другой корабль, чем «Касторея»: не скромное исследовательское судно, а флагман научно-военной экспедиции – семьсот метров бронированного корпуса, напичканного новейшими технологиями Конфедерации. Экипаж в триста двадцать человек, включая учёных, инженеров, морских пехотинцев и пилотов истребительной эскадрильи. Термоядерные реакторы мощностью в петаватты. Системы вооружения, способные расколоть астероид средних размеров.

И всё равно Калев знал, что против Стражей Цепи этого недостаточно.

– Командор, – голос за спиной заставил его обернуться, – мы завершили выход из сверхсветового режима. Все системы в норме.

Капитан Хирш Накамура стоял у центрального тактического стола, его тёмные глаза внимательно изучали голографическую проекцию пространства вокруг корабля. Пятьдесят один год, ветеран десятков межзвёздных экспедиций, потомок марсианских колонистов в пятом поколении. Его лицо было испещрено мелкими морщинами – следы радиационного облучения, полученного в молодости на внешних рубежах Пояса Койпера. Накамура был из тех людей, которые видели космос не романтическим приключением, а работой – тяжёлой, опасной, часто смертельной.

– Спасибо, капитан, – Калев отвернулся от обзорного окна и подошёл к тактическому столу. – Статус эскорта?

– Четыре фрегата поддержки на позициях. «Страж», «Копьё», «Немезида» и «Буря». Истребительное звено в состоянии готовности. Научные корабли «Горизонт» и «Открытие» следуют в кильватере.

Калев кивнул, изучая расположение кораблей на проекции. Семь судов, включая флагман. Самая крупная экспедиция к Цепи за всю историю изучения. И всё равно он чувствовал себя муравьём, ползущим к подножию горы.

– Какова текущая дистанция до ближайшего узла? – спросил он.

– Сорок семь целых три десятых световых года до объекта, обозначенного как Узел-17, – ответил Накамура. – Это та самая нейтронная звезда, которую обнаружила «Касторея».

То самое место. Калёб почувствовал, как что-то сжимается в груди – знакомая боль, которая так и не утихла за двадцать лет.

– Понял, – сказал он ровным голосом. – Объявите общий сбор старших офицеров в конференц-зале через тридцать минут. Пора провести полный брифинг миссии.

Конференц-зал «Рассвета Одиссея» располагался в центральной части корабля, защищённой несколькими слоями брони и силовых полей. Овальный стол из полированного композитного материала мог вместить двадцать человек; сейчас за ним сидели двенадцать – командный состав экспедиции.

Калёб занял место во главе стола и обвёл взглядом собравшихся. Каждое лицо было ему знакомо – он лично отбирал этих людей из сотен кандидатов. Каждый из них был лучшим в своей области. И каждый знал, на что идёт.

Справа от него сидела доктор Лена Кастро, главный научный офицер экспедиции. Тридцать девять лет, специалист по ксеноархеологии и древним технологиям. Она изучала артефакты Предтеч последние пятнадцать лет своей жизни – от загадочных Врат Андромеды до монолитов-обсерваторий, найденных на семнадцати планетах галактики. Её тёмные волосы были собраны в аккуратный пучок, карие глаза смотрели с той смесью энтузиазма и сосредоточенности, которая отличала истинных учёных. Что-то в ней напоминало Калёбу Элизу – не внешне, но той же страстью к познанию, той же готовностью рисковать ради истины.

Рядом с ней расположился профессор Элиас Теорем, специалист по искусственному интеллекту – эксцентричный гений шестидесяти семи биологических лет, хотя хронологически ему было уже за сто. Большую часть жизни он провёл в анабиозе между контрактами, просыпаясь лишь для решения самых сложных задач. Его седые волосы торчали в разные стороны, очки в старомодной оправе постоянно сползали на нос, а взгляд блуждал где-то в пространстве, словно он одновременно присутствовал здесь и решал какую-то невидимую другим задачу.

Слева от Калёба сидел капитан Накамура, а за ним – инженер-майор Кэй Окунде, главный инженер экспедиции. Сорок четыре года, родом с Титана – спутника Сатурна, где она выросла в подземных колониях, привыкнув к жизни в замкнутых пространствах и постоянной зависимости от технологий. У неё было спокойное, сосредоточенное лицо и руки с характерными мозолями инженера-практика. Окунде славилась тем, что могла починить практически всё – от неисправного кофейника до повреждённого термоядерного реактора.

Напротив инженера сидела лейтенант Иша Мадхани, офицер разведки. Двадцать восемь лет – самая молодая среди старших офицеров. Индийское происхождение, безупречная военная выправка, тёмные глаза, которые, казалось, видели больше, чем показывали. Её личное дело было образцовым: академия с отличием, три года службы в разведывательном управлении Конфедерации, участие в нескольких деликатных операциях на границах человеческого пространства. Идеальный офицер. Почти слишком идеальный, подумал Калёб, но отбросил эту мысль – паранойя была плохим советчиком.

Остальные места занимали главы подразделений: командир морских пехотинцев майор Вэнс, начальник медицинской службы доктор Чжоу, главный пилот командер Рихтер и другие. Все – профессионалы высшего класса, все – понимали серьёзность миссии.

– Благодарю за оперативный сбор, – начал Калёб, активируя голографический проектор в центре стола. Над столешницей развернулась трёхмерная карта сектора Тау, с Цепью Предтеч, сияющей в центре, словно драгоценное ожерелье на бархате космической тьмы. – Как вы знаете, мы находимся в пятидесяти световых годах от периферии структуры, известной как

Цепь Предтеч. Для некоторых из вас это первое знакомство с объектом. Для меня... – он сделал паузу, – это возвращение.

Никто не произнёс ни слова, но Калёб почувствовал, как изменилась атмосфера в зале. Все знали его историю – она стала частью официальной документации по Цепи. Командор Тайген, единственный выживший с «Касторея». Человек, который потерял жену и сорок три члена экипажа при первом контакте с защитными системами мегаструктуры.

– Позвольте представить вам то, с чем мы имеем дело, – продолжил он, увеличивая изображение Цепи. – Триста нейтронных звёзд, соединённых материальными проводниками из стабилизированного нейтронного вещества. Общая протяжённость структуры – примерно шестьсот световых лет. Масса – около четырёхсот пятидесяти солнечных. Возраст – по последним оценкам, не менее одного миллиарда лет.

Он позволил цифрам повиснуть в воздухе. Масштаб был настолько невообразимым, что человеческий разум отказывался его воспринимать. Миллиард лет. Когда Цепь была создана, на Земле не существовало даже простейших многоклеточных организмов.

– Структура активна, – продолжал Калёб. – Между узлами постоянно передаются модуляции гравитационных волн – по всей видимости, информация. Научное сообщество пришло к консенсусу, что Цепь является вычислительным устройством невообразимой мощности. Нейтронные звёзды служат процессорами, проводники – каналами связи. Вся система работает как единый компьютер, решающий какую-то задачу уже миллиард лет.

– Какую задачу? – спросила доктор Кастро, подавшись вперёд.

– Неизвестно. И это одна из главных целей нашей экспедиции – выяснить.

Калёб переключил изображение, показав увеличенный вид одного из узлов. Нейтронная звезда сияла голубоватым светом, окружённая завихрениями раскалённого газа. От неё в обе стороны тянулись проводники – материальные нити толщиной в сотни метров, уходящие в бесконечность.

– Вторая проблема – защита. Структура охраняется автономными системами, которые мы называем Стражами. – На экране появилось размытое изображение, восстановленное из последней передачи зонда «Меркурий-7» двадцать лет назад. Угловатые металлические конструкции, похожие на хищных насекомых. – Это единственное чёткое изображение, которое у нас есть. За последние двадцать лет было потеряно более сорока беспилотных зондов – каждый, кто приближался к узлам ближе чем на два миллиона километров, уничтожался в течение секунд.

– Каковы возможности этих... Стражей? – спросил майор Вэнс, командир морпехов. Крупный мужчина с бритой головой и шрамами на руках – следы близких столкновений, которые не смогла полностью убрать регенеративная терапия.

– Мы не знаем пределов их возможностей, – честно ответил Калёб. – Но могу сказать, что они двигаются с ускорениями, невозможными для известных нам технологий. Их оружие способно пробивать корпуса кораблей, не оставляя следов снарядов – возможно, это кинетическое оружие релятивистских скоростей или что-то более экзотическое. И их много. По нашим оценкам, в магнитосфере каждой нейтронной звезды находятся миллионы боевых единиц.

Тишина повисла над столом. Калёб видел, как осознание масштаба угрозы отражается на лицах офицеров.

– Триста узлов, – медленно произнёс профессор Теорем, поправляя очки. Его голос был рассеянным, словно он говорил сам с собой. – Миллионы стражей на каждом узле. Это... это порядка сотен миллиардов боевых единиц. Возможно, триллион.

– Да, – подтвердил Калёб. – И судя по всему, система способна к самовоспроизводству. Стражи используют материал нейтронных звёзд для создания копий себя. Они существуют и функционируют уже миллиард лет без какого-либо внешнего обслуживания.

– Тогда какого чёрта мы здесь делаем? – буркнул майор Вэнс. – Простите, командор, но если там триллион этих тварей...

– Мы здесь, майор, потому что через пятьдесят лет вычисление Цепи завершится.

Все взгляды устремились на Калеба.

– Семь лет назад, – продолжил он, – анализ модуляций гравитационных волн позволил установить, что интенсивность вычислительных процессов в Цепи постоянно возрастает. Математическая экстраполяция показывает: расчёт достигнет завершения примерно через пятьдесят лет – в 2897 году по земному летоисчислению.

– И что тогда произойдёт? – спросила лейтенант Мадхани. Её голос был спокоен, профессионален, но Калеб уловил в нём нотку чего-то – интереса? Тревоги?

– Неизвестно. Но теоретические модели предполагают, что результат вычисления будет иметь физический эффект. Цепь способна генерировать гравитационные волны такой мощности, что они могут изменять саму ткань пространства-времени. Момент Завершения – так мы его называем – может вызвать... что угодно. Трансформацию региона пространства. Создание искусственной сингулярности. Открытие портала. Или...

– Или уничтожение всего живого в радиусе тысяч световых лет, – закончила доктор Кастро негромко.

– Да, – кивнул Калеб. – Или это.

Он выключил голографическую проекцию и обвёл взглядом собравшихся.

– Наша миссия проста в формулировке и чрезвычайно сложна в исполнении. Мы должны изучить Цепь, понять её назначение и определить, представляет ли Завершение угрозу для человечества и других разумных видов галактики. У нас есть примерно год субъективного времени – из-за временной дилатации вблизи нейтронных звёзд это соответствует нескольким годам объективного времени. После этого нам придётся вернуться с результатами.

– А если окажется, что Цепь – угроза? – спросил капитан Накамура. – Что тогда?

Калеб помедлил с ответом. Это был вопрос, который он задавал себе каждую ночь.

– Тогда мы должны найти способ её остановить.

После брифинга офицеры разошлись по своим постам, но Калеб задержал доктора Кастро.

– Лена, – сказал он, когда они остались одни в конференц-зале, – мне нужно ваше честное мнение.

Она подняла бровь:

– О чём именно, командор?

– Обо всём этом. – Он сделал жест, охватывающий и голографический стол, и корабль, и пространство за его стенами. – Вы изучали Предтеч дольше, чем большинство людей на этом корабле. Что вы думаете о наших шансах?

Кастро помолчала, обдумывая вопрос. Калеб ценил это качество – она никогда не отвечала, не взвесив слова.

– Честно? Я думаю, что мы как муравьи, пытающиеся понять смысл небоскрёба. Цепь создана существами, которые манипулировали звёздами как строительным материалом. Их технологии превосходят наши на... – она покачала головой, – я даже не могу подобрать сравнения. На миллионы лет развития? На миллиарды?

– Но вы всё равно здесь.

– Да, – она улыбнулась, и эта улыбка неожиданно осветила её лицо. – Потому что именно этим и занимается наука – попытками понять непонятное. Древние люди смотрели на звёзды и считали их огнями богов. Потом мы поняли, что это термоядерные реакторы. Потом – научились летать к ним. Кто знает, что мы поймём, изучив Цепь?

Кaleb кивнул. Этот оптимизм был одной из причин, по которым он выбрал её главным научным офицером.

– Есть ещё кое-что, – сказал он, понизив голос. – Кое-что, о чём я не говорил на брифинге.

Кастро нахмурилась:

– Командор?

– За час до выхода из сверхсвета я получил зашифрованное сообщение от командования.

Приоритет альфа, только для моих глаз.

Он активировал личный коммуникатор и вывел голограмму. Над его ладонью появилось лицо адмирала Горана Вестерфельда – командующего Флотом Конфедерации в секторе Тау. Суровое лицо с тяжёлой челюстью, холодные серые глаза.

– Командор Тайген, – заговорила голограмма записанным голосом, – настоящее сообщение дополняет ваши официальные приказы. Совет Безопасности Конфедерации рассмотрел все имеющиеся данные о Цепи Предтеч и пришёл к заключению, что структура представляет потенциальную экзистенциальную угрозу для человечества. Ваша первичная миссия остаётся неизменной – изучение объекта. Однако вторичной целью экспедиции является оценка возможности нейтрализации Цепи. Проще говоря, командор, нам нужно знать, можно ли её уничтожить. И если да – как.

Голограмма погасла.

Кастро смотрела на Калеба широко раскрытыми глазами.

– Они хотят... уничтожить Цепь?

– Они хотят иметь такую возможность, – поправил Кaleb. – На всякий случай.

– Но это же... – она запнулась, подбирая слова, – это величайший артефакт в истории! Единственное доказательство существования развитой инопланетной цивилизации! Если мы уничтожим его, не поняв...

– Я знаю, – перебил Кaleb. – Поверьте, я знаю.

Он подошёл к обзорному окну, за которым мерцала далёкая Цепь.

– Двадцать лет назад моя жена погибла, изучая эту структуру. Она верила, что Цепь – ключ к пониманию нашего места во Вселенной. Что знания, которые мы можем получить, стоят любого риска. – Он помолчал. – Я до сих пор не знаю, была ли она права.

Кастро подошла и встала рядом с ним.

– А что думаете вы, командор?

Кaleb долго смотрел на звёзды, прежде чем ответить.

– Я думаю, что мы должны узнать правду. Какой бы она ни была. И уже потом решать, что с ней делать.

Он повернулся к ней.

– Доктор Кастро, я рассказал вам об этом сообщении, потому что доверяю вашему суждению. Но я прошу вас держать эту информацию в секрете – по крайней мере, пока. Экипажу не нужно знать, что командование рассматривает вариант уничтожения. Это может... повлиять на объективность исследований.

Кастро медленно кивнула.

– Я понимаю, командор. И... спасибо за доверие.

– Называйте меня Кaleb, – неожиданно сказал он. – По крайней мере, когда мы одни. У меня предчувствие, что нам предстоит провести много времени вместе.

Лёгкая улыбка тронула её губы.

– Хорошо... Кaleb.

Каюта командора располагалась на верхней палубе «Рассвета Одиссея» – просторное по корабельным меркам помещение с отдельным санузелом, рабочим кабинетом и панорамным иллюминатором. Калёб вошёл, чувствуя тяжесть прошедшего дня в каждой мышце.

Он снял форменный китель и бросил его на спинку кресла, оставшись в нательной рубашке. Подошёл к иллюминатору. Отсюда Цепь была видна невооружённым глазом – цепочка крошечных огоньков, едва различимых среди других звёзд. Но Калёб знал, что каждый из этих огоньков – нейтронная звезда, сверхплотный объект, способный разорвать корабль приливными силами.

Он положил ладонь на холодное стекло.

– Я вернулся, Элиза, – прошептал он в пустоту каюты. – Двадцать лет понадобилось, но я вернулся.

Тишина была ему ответом. Конечно, тишина. Элиза погибла двадцать лет назад, и никакие слова не могли её вернуть.

Калёб закрыл глаза и позволил воспоминаниям захлестнуть его. Последний взгляд через иллюминатор спасательной капсулы. Её лицо – спокойное, решительное. Её губы, шепчущие слова, которых он не слышал.

«Сделай это правильно».

Он до сих пор не знал, что она имела в виду. Понять Цепь? Защитить человечество? Отомстить за её смерть? Или просто – жить дальше, не позволяя прошлому уничтожить будущее?

Все эти годы он искал ответ. Командовал грузовыми рейсами на задворках космоса, патрулировал границы, выполнял задания, которые никто больше не хотел брать. И всё это время следил за исследованиями Цепи, изучал каждый отчёт, каждую научную статью, каждый обрывок информации. Готовился.

Когда Конфедерация объявила о формировании большой экспедиции к Цепи, он подал рапорт первым. Его кандидатуру рассматривали месяц – взвешивали риски психологической нестабильности против уникального опыта. В конце концов решили, что опыт перевешивает.

Калёб открыл глаза и посмотрел на своё отражение в тёмном стекле. Постаревший человек с усталым лицом и шрамом, напоминающим о прошлом. Кто он теперь? Учёный, ищущий истину? Солдат, готовый уничтожить угрозу? Вдовец, одержимый памятью о погибшей жене?

Всё вместе, наверное. И ни одно из этого не было главным.

Главным было – узнать правду. Узнать, для чего существует Цепь. Узнать, что произойдёт через пятьдесят лет.

И тогда – действовать.

Он отошёл от иллюминатора и сел за рабочий стол. На голографическом экране мигало уведомление о входящем сообщении – личное, не служебное. Калёб активировал его и увидел лицо молодой женщины, которую не знал.

– Командор Тайген, – заговорила она, – меня зовут Сара Чен. Я внучка лейтенанта Маркуса Чена, который служил на «Касторе».

Калёб замер. Чен. Молодой офицер связи, который первым доложил о приближении к аномалии. Который погиб вместе с остальными сорока тремя.

– Я знаю, что вы возвращаетесь к Цепи, – продолжала женщина. Её голос был ровным, но в глазах стояли непролитые слёзы. – Мой дед... он всегда мечтал о великих открытиях. Он говорил, что настоящий исследователь не боится рисковать. – Она сглотнула. – Я просто хотела сказать... найдите то, за что он погиб. Найдите правду. И... удачи вам, командор.

Сообщение закончилось.

Калёб долго сидел неподвижно, глядя на погасший экран. Потом медленно выдохнул и закрыл глаза.

Сорок три человека. Сорок три имени, которые он помнил наизусть. Сорок три семьи, которые потеряли близких в тот день.

Он был им должен.
Всем им.

На следующее утро – если можно было назвать утром шестичасовую отметку корабельного времени – Калёб спустился в научный отсек. Огромное помещение занимало три палубы и было заполнено оборудованием, о назначении которого он мог только догадываться: сканеры, анализаторы, вычислительные модули, голографические проекторы. Десятки учёных работали за своими станциями, погружённые в данные, уравнения, модели.

Доктор Кастро встретила его у входа.

– Командор... Калёб, – поправились она, – рада, что вы зашли. У нас есть кое-что интересное.

Она повела его через лабиринт оборудования к центральному аналитическому терминалу, где уже собрались несколько членов научной команды.

– Мы проанализировали последние данные с дальних сенсоров, – объясняла Кастро на ходу. – И обнаружили нечто... неожиданное.

Она активировала голографическую проекцию. Над терминалом развернулась карта Цепи – но не обычная, а с цветовой кодировкой, отмечающей различные параметры.

– Смотрите на эти участки, – Кастро указала на несколько сегментов проводников, окрашенных в красный цвет. – Здесь интенсивность гравитационных модуляций значительно выше, чем в других местах. Мы назвали их «горячими точками».

– И что это означает? – спросил Калёб.

– Мы думаем, – вмешался профессор Теорем, появившийся словно из ниоткуда, – что это области повышенной вычислительной активности. Как если бы... как если бы Цепь сосредоточила особое внимание на определённых расчётах.

– Особое внимание?

– Да, да, – Теорем рассеянно поправил очки. – Видите ли, командор, нормальное распределение вычислительной нагрузки должно быть относительно равномерным. Но эти «горячие точки» показывают аномальную концентрацию. Словно... словно Цепь что-то проверяет. Или пересчитывает.

Калёб внимательно изучал проекцию.

– Где находятся эти «горячие точки»?

– В этом и заключается самое интересное, – сказала Кастро. – Смотрите.

Она наложила на карту Цепи другую проекцию – карту человеческих колоний в секторе Тау. И Калёб почувствовал, как по спине бежит холодок.

«Горячие точки» располагались вдоль границы, отделяющей человеческое пространство от Цепи. Словно мегаструктура... наблюдала за ними.

– Это может быть совпадением, – поспешно добавила Кастро, видя выражение его лица. – Корреляция не означает причинно-следственную связь. Но...

– Но вы так не думаете.

Она покачала головой:

– Нет. Я думаю, что Цепь – или её защитные системы – знает о нас. Знает, что мы приближаемся.

Калёб долго смотрел на проекцию. Три сотни нейтронных звёзд, триллионы автономных боевых дронов, миллиард лет существования – и эта невообразимая конструкция знала о крошечных людях, которые дерзнули приблизиться к ней.

– Это делает нашу миссию ещё более важной, – сказал он наконец. – И более опасной.

– Командор, – голос лейтенанта Мадхани раздался из динамика интеркома, – прошу вас на мостик. У нас контакт.

Калёб ворвался на мостик спустя три минуты, застёгивая китель на ходу.

– Доклад!

Капитан Накамура стоял у тактического стола, его лицо было напряжённым.

– Три неопознанных корабля, командор. Вышли из сверхсвета в двух световых часах от нас. Курс – пересечение.

– На экран.

Главный дисплей мигнул, показывая тактическую проекцию. Три красных точки медленно двигались по направлению к зелёному символу, обозначавшему «Рассвет Одиссея» и корабли эскорта.

– Идентификация?

– Сигнатуры соответствуют кораблям Каэлистов, командор, – доложил оператор сенсоров. – Два крейсера класса «Кристалл» и один тяжёлый носитель.

Калёб нахмурился. Каэлисты – кремниевая форма жизни из системы с высокой радиацией. Первый контакт с ними полтора века назад закончился пограничным конфликтом, который длился семь лет. С тех пор установился холодный мир – официальные дипломатические отношения, ограниченная торговля, взаимное недоверие.

– Что им здесь нужно? – спросил Накамура вслух то, о чём думали все.

– Вероятно, то же, что и нам, – ответил Калёб. – Цепь.

Каэлисты имели древние притязания на структуру Предтеч – утверждали, что их предки участвовали в её создании. Конфедерация всегда отвергала эти заявления как бездоказательные, но факт оставался фактом: Каэлисты были не менее заинтересованы в Цепи, чем люди.

– Командор, – сказала лейтенант Мадхани, – входящая передача с ведущего корабля.

– На экран.

Главный дисплей мигнул снова, и на нём появилось существо, которое человеческий глаз с трудом воспринимал как живое. Каэлист напоминал статую из чёрного стекла – гуманоидный силуэт с угловатыми чертами, пронизанный прожилками пульсирующего света. Там, где у человека было бы лицо, располагался сложный кластер кристаллических структур – органы чувств, непохожие ни на что земное.

– Корабль человеческой Конфедерации, – голос был синтетическим, переведённым компьютером, но интонации казались почти живыми: холодные, размеренные, с едва уловимым оттенком высокомерия. – Я командер Зкаал, командующий флотом Кристаллического Соглашения в этом секторе. Вы вторглись в зону наших законных интересов.

Калёб шагнул вперёд, встав так, чтобы камера захватила его в полный рост.

– Командер Зкаал, я командор Калёб Тайген, руководитель научно-военной экспедиции Конфедерации Терра. Сектор Тау является нейтральным пространством согласно Хартингтонским соглашениям 2712 года. Мы имеем полное право находиться здесь.

– Хартингтонские соглашения, – Зкаал произнёс эти слова с тем особым оттенком, который даже машинный переводчик не смог скрыть: презрение, – были подписаны, когда ни одна из сторон не понимала истинного значения структуры, известной вам как Цепь Предтеч. Ситуация изменилась.

– Каким образом?

– Кристаллическое Соглашение располагает древними записями, доказывающими, что наши предки участвовали в создании Цепи миллиард лет назад. Эта структура – наше законное наследие. Люди не имеют права касаться её.

Калёб почувствовал, как на мостике сгущается напряжение. Руки офицеров инстинктивно потянулись к пультам управления вооружением.

– Коммандер, – сказал он ровным голосом, – я не намерен обсуждать исторические притязания вашего народа. Но я готов обсудить возможность сотрудничества. Цепь достаточно велика, чтобы хватило всем.

Долгая пауза. Кристаллические структуры на «лице» Зкаала пульсировали, меняя цвет – возможно, это был каэлистский эквивалент нахмуренных бровей.

– Сотрудничество с существами, которые мыслят электрохимическими импульсами, представляется... неоптимальным, – произнёс он наконец. – Однако мы признаём, что конфликт в непосредственной близости от Цепи был бы ещё менее оптимален. Предлагаю личную встречу на нейтральной территории – для обсуждения условий сосуществования.

Калёб обменялся быстрым взглядом с Накамурой. Капитан едва заметно кивнул.

– Согласен, коммандер Зкаал. Предлагаю встретиться на астероидном комплексе Тау-7 – там есть нейтральная дипломатическая станция.

– Приемлемо. Через двенадцать стандартных часов.

Экран погас.

Калёб выдохнул, не осознавая, что задерживал дыхание.

– Ну вот, – сказал Накамура сухо, – мало нам было триллиона боевых дронов. Теперь ещё и каэлисты.

– По крайней мере, они предпочли переговоры стрельбе.

– Пока.

Калёб кивнул:

– Да. Пока.

Он посмотрел на тактический дисплей, где три красных точки каэлистских кораблей всё ещё медленно двигались по курсу. Ситуация усложнялась с каждым часом.

Сначала – секретный приказ от командования, фактически требующий найти способ уничтожить Цепь. Теперь – каэлисты со своими древними притязаниями и непредсказуемыми намерениями. А где-то впереди – триллион автономных боевых машин, созданных цивилизацией, которая исчезла миллиард лет назад.

И над всем этим – тикающие часы, отсчитывающие пятьдесят лет до Завершения.

После напряжённого обмена с каэлистами Калёб вернулся в свою каюту, но не для отдыха. Ему нужно было время – подумать, обработать информацию, составить план.

Он сел за рабочий стол и активировал личный терминал. На экране появился список файлов – всё, что человечество знало о Цепи Предтеч. Двадцать лет исследований, тысячи научных статей, петабайты данных с беспилотных зондов.

И практически ничего действительно полезного.

Калёб открыл файл с пометкой «КАСТОРЕЯ – ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕДАЧА». Он просматривал его сотни раз, но что-то заставляло его возвращаться снова и снова.

На экране появилось зернистое изображение – последние кадры, переданные бортовой камерой «Касторея» перед гибелью корабля. Калёб видел хаос разрушения: искрящиеся переборки, летящие обломки, мелькающие фигуры членов экипажа. И там, в углу кадра – Элиза. Её лицо было залито аварийным красным светом, но она улыбалась.

Камера захватила её только на долю секунды, но Калёб мог смотреть на этот кадр часами. Она знала, что умирает. И всё равно улыбалась.

Он перемотал запись дальше. Последние данные с научных сенсоров, переданные за мгновения до уничтожения корабля. Элиза работала до последнего – собирала информацию, анализировала, передавала.

Большинство этих данных было изучено вдоль и поперёк. Но один файл всегда привлекал внимание Калеба – спектральный анализ внутренней структуры проводника, сделанный зондом «Меркурий-7» за секунды до его уничтожения.

Он увеличил изображение. Поперечный срез проводника – сложная система каналов и полостей, пронизывающих нейтронное вещество. Элиза успела добавить комментарий: «Возможно, транспортная система? Или система охлаждения?»

Кaleb долго смотрел на изображение. Каналы. Полости. Внутренняя структура.

Что, если это не просто инфраструктура? Что, если это... пути?

Мысль была безумной. Но Кaleb научился не отбрасывать безумные мысли – иногда именно они приводили к прорывам.

Он вызвал профессора Теорема по внутренней связи.

– Профессор, у меня есть теория. Сумасшедшая теория. Вы не могли бы зайти?

Через двадцать минут они сидели вдвоём над голографической моделью проводника, и Кaleb излагал свою идею.

– Посмотрите на эти каналы, – говорил он, водя пальцем по проекции. – Они слишком регулярные для охлаждающей системы, слишком сложные для простой инфраструктуры. Но если предположить, что это транспортные артерии...

– Вы хотите сказать, – Теорем поднял бровь, – что внутри проводников можно... перемещаться?

– Именно. Стражи патрулируют внешний периметр. Они уничтожают всё, что приближается снаружи. Но что, если попасть внутрь? Что, если использовать сами проводники как защищённый маршрут к центральным узлам?

Теорем долго смотрел на проекцию, и Кaleb видел, как за стёклами его очков работает блестящий, хотя и эксцентричный разум.

– Это... возможно, – произнёс профессор наконец. – Теоретически. Но практически? Радиация внутри проводника чудовищна. Давление – немыслимо. Гравитация...

– Я знаю. Нам понадобится что-то экстраординарное.

– Даже если мы создадим корабль, способный выдержать такие условия... как попасть внутрь? Поверхность проводника – сплошной монолит из стабилизированного нейтронного вещества.

Кaleb улыбнулся – впервые за много дней:

– Вот здесь и начинается самое интересное.

Он вывел на экран другую часть данных «Касторея» – сканирование точки соединения проводника с нейтронной звездой.

– Смотрите. Элиза обнаружила это за минуту до атаки. Там, где проводник входит в звезду, есть... разрыв. Маленький, всего несколько километров в диаметре. Но он есть.

– Вход, – прошептал Теорем.

– Вход.

Они смотрели друг на друга, и Кaleb видел в глазах профессора ту же смесь возбуждения и страха, которую чувствовал сам.

– Это безумие, командор, – сказал Теорем. – Абсолютное, чистое безумие.

– Да.

– Это потребует технологий, которых у нас, возможно, нет.

– Да.

– Это может убить всех, кто попытается.

– Да.

Теорем помолчал. Потом на его лице расплылась широкая улыбка.

– Когда начинаем?

Следующие часы Кaleb провёл в совещаниях: с научной командой, с инженерами, с офицерами. Он изложил свою теорию, выслушал возражения, скорректировал план. К концу дня у них была предварительная концепция – безумная, рискованная, но хотя бы возможная.

Но прежде чем двигаться дальше, нужно было решить проблему каэлистов.

Астероидный комплекс Тау-7 располагался в двенадцати часах полёта от текущей позиции флота. Когда «Рассвет Одиссея» вышел из сверхсвета у края астероидного поля, Кaleb увидел станцию – грубую конструкцию, высеченную в теле каменной глыбы диаметром в три километра. Нейтральная территория, управляемая совместной комиссией людей и каэлистов. Место, где враги могли говорить, не стреляя друг в друга.

Шаттл доставил Калеба, лейтенанта Мадхани и двух морпехов охраны к стыковочному шлюзу станции. Внутри их встретил каэлистский эскорт – два существа, похожих на ожившие статуи, молчаливых и зловещих.

Переговорный зал располагался в центре станции – круглое помещение с прозрачным куполом, через который виднелись звёзды. Атмосфера была компромиссом между потребностями обоих видов: чуть теплее, чем предпочитали люди, чуть холоднее, чем нравилось каэлистам.

Зкаал уже ждал их. Вблизи он казался ещё более чуждым – двухметровая фигура из чёрного кристалла, пронизанная венами жидкого света. Его «лицо» было непроницаемым, но Кaleb научился читать каэлистов по другим признакам: по частоте пульсации внутреннего свечения, по положению кристаллических выростов.

Сейчас Зкаал был... настороженным. Может быть, даже нервным.

– Командор Тайген, – произнёс каэлист через транслятор. – Благодарю за согласие на встречу.

– Коммандер Зкаал. – Кaleb занял место напротив, жестом приказав Мадхани и охране остаться у двери. – Давайте перейдём к делу. Чего хочет Кристаллическое Согласие?

Пауза. Пульсация внутреннего света Зкаала изменилась – стала чаще, ярче.

– Прямолинейность, – произнёс он. – Редкое качество для человека. Хорошо. Мы хотим того же, что и вы: понять Цепь. Узнать, что произойдёт через пятьдесят лет. И защитить наши интересы.

– Какие именно интересы?

– Историческое право. – Зкаал склонил голову – жест, который у каэлистов означал важность сказанного. – Наши древнейшие записи говорят о Цепи. О «Великом Вычислении», которое спасёт или уничтожит всё живое. Наши предки участвовали в создании этой структуры. Мы несём ответственность за её судьбу.

– Эти записи когда-нибудь были подтверждены? – осторожно спросил Кaleb.

Свечение Зкаала потускнело – каэлистский эквивалент раздражения.

– Люди всегда требуют «подтверждений». Физических доказательств. Как будто тысячелетия устной традиции ничего не значат.

– Я не пытаюсь оскорбить вашу культуру, коммандер. Но вы должны понимать – Конфедерация не может уступить контроль над изучением Цепи на основании... легенд.

– А вы должны понимать, командор, что Согласие не позволит примитивным созданиям с мокрым мозгом разрушить то, что наши предки помогали строить.

Воздух в зале, казалось, стал гуще. Мадхани за спиной Калеба напряглась.

Но Кaleb заставил себя сохранять спокойствие.

– Никто не говорит о разрушении, – сказал он, хотя слова жгли язык – он вспомнил секретный приказ от командования. – Цель нашей экспедиции – исследование, не деструкция.

– Так утверждают ваши официальные документы. Но мы знаем, как работает ваше командование. Знаем о дискуссиях в вашем Совете Безопасности. О предложениях «нейтрализовать угрозу».

Калёб почувствовал, как холодок пробегает по спине. Откуда каэлисты знали о секретных обсуждениях Совета?

– Коммандер, – сказал он медленно, – если у вас есть разведанные о наших внутренних дискуссиях, то вы наверняка знаете и о моей позиции. Я выступаю за изучение, не уничтожение.

Зкаал склонил голову в другую сторону:

– Это так. Именно поэтому я согласился на эту встречу. Вы – редкий человек, коммандор Тайген. Человек, который потерял близких от рук... от действия защитных систем Цепи. И при этом – человек, который не жаждет мести.

– Месть не вернёт мою жену, – ответил Калёб тихо. – Но знание – знание может спасти других.

Долгая пауза. Свечение Зкаала изменилось снова – стало более ровным, спокойным.

– Возможно... возможно, между нами возможно понимание, – произнёс каэлист. – Я предлагаю следующее: наши флоты действуют раздельно, но мы обмениваемся информацией. Любое открытие, сделанное одной стороной, немедленно передаётся другой. В случае внешней угрозы – от защитных систем или от... других сторон – мы оказываем друг другу помощь.

– Временный альянс?

– Соглашение о невраждебности и обмене данными. Формулировка важна для моих... для тех, кто стоит выше меня.

Калёб обдумал предложение. Это было больше, чем он ожидал – каэлисты славились своей непреклонностью в переговорах.

– Почему? – спросил он. – Почему вы готовы на это?

Зкаал помедлил.

– Потому что я изучал вас, коммандор. Вашу историю. То, что произошло двадцать лет назад. – Пауза. – Вы видели Стражей. Вы пережили их атаку. Вы знаете, на что они способны.

– Да.

– Мой народ никогда не сталкивался с ними напрямую. Но наши записи... наши записи говорят об ужасах. О флотах, сгоравших за мгновения. О мирах, стёртых с лица Вселенной за то, что осмелились приблизиться.

Калёб молча слушал.

– Я не хочу войны с людьми, коммандор, – продолжал Зкаал, и что-то в его голосе – даже через машинный переводчик – звучало почти... искренне. – Не здесь, не сейчас. Перед лицом того, что нас ждёт впереди... мы не можем позволить себе роскошь внутренних конфликтов.

Калёб медленно кивнул.

– Соглашение о невраждебности и обмене данными, – повторил он. – Я согласен.

Он протянул руку – человеческий жест, который каэлисты находили странным, но понимали его значение. Зкаал помедлил мгновение, затем прикоснулся к ладони Калеба своей – холодной, твёрдой, похожей на отполированный камень.

– Соглашение, – подтвердил каэлист.

И в этот момент Калёб понял: что бы ни ждало их впереди, они уже не были одиноки.

Обратный путь на «Рассвет Одиссея» прошёл в молчании. Лейтенант Мадхани сидела напротив Калеба в пассажирском отсеке шаттла, её лицо было задумчивым.

– Разрешите вопрос, коммандор? – спросила она, когда шаттл начал стыковку с флагманом.

– Да?

– Вы доверяете ему? Зкаалу?

Калёб обдумал вопрос.

– Доверяю ли я каэлисту? Нет. Их логика слишком отличается от нашей, их мотивы слишком чуждые. Но... – он помедлил, – я верю, что он говорил правду о своих страхах. Каэлисты боятся Цепи не меньше, чем мы. И пока этот страх объединяет нас, мы можем работать вместе.

Мадхани кивнула:

– Понимаю, командор.

Но что-то в её голосе – какой-то оттенок – заставило Калёба внимательнее посмотреть на неё. Молодая женщина быстро отвела взгляд, уставившись в иллюминатор.

Что-то было не так. Калёб не мог определить что – слишком мало данных. Но его интуиция, отточенная десятилетиями космических путешествий, твердила: присмотрись к ней внимательнее.

Он отложил эту мысль на потом. Сейчас были более важные дела.

Ночью – по корабельному времени – Калёб снова стоял у иллюминатора своей каюты. Цепь Предтеч мерцала вдалеке, равнодушная к суете маленьких существ, копошащихся у её границ.

Завтра начнётся настоящая работа. Зонды-разведчики, дистанционное сканирование, анализ данных. Медленное, методичное приближение к разгадке.

Но уже сейчас Калёб чувствовал: что-то изменилось. Соглашение с каэлистами. Теория о внутренних каналах проводников. Странные «горячие точки» на границе с человеческим пространством.

Кусочки головоломки начинали складываться в картину. Пока ещё размытую, неполную, но – картину.

– Мы идём, – прошептал Калёб в темноту. – Мы идём, и на этот раз мы не отступим.

За иллюминатором Цепь продолжала свою работу – миллиард лет непрерывного вычисления. Пятьдесят лет до Завершения.

Что-то грядёт. Что-то, что изменит всё.

И Калёб Тайген намеревался узнать, что именно.

Перед сном – или тем, что заменяло ему сон в последние годы, – Калёб достал из личного сейфа небольшой предмет. Потёртый металлический медальон на цепочке, единственное, что осталось от Элизы.

Она носила его всегда. Говорила, что это семейная реликвия, подарок бабушки. Внутри была крошечная фотография – они двое на своей свадьбе, молодые, счастливые, не знающие, что впереди.

Калёб нашёл медальон в обломках, дрейфовавших на месте гибели «Касторея». Спасательная команда, прибывшая через несколько дней, прочесала область в поисках чего-нибудь ценного. Большинство находок было научными – фрагменты оборудования, осколки сенсоров. Но среди них оказался и этот медальон, каким-то чудом переживший взрыв и вакуум.

Он сжал его в кулаке, чувствуя острые края, врезающиеся в ладонь.

– Я близко, – прошептал он. – Так близко, как не был никогда.

Медальон не ответил. Конечно, не ответил.

Но где-то в глубине сознания Калёбу показалось, что он слышит её голос. Тихий, далёкий, но узнаваемый.

«Сделай это правильно».

Он лёг на койку, не выпуская медальон из руки, и закрыл глаза.

Завтра начнётся новый день. Новые вызовы, новые опасности, новые открытия.
И рано или поздно – ответы.
Всем ответам своё время.

Утро третьего дня экспедиции началось с неожиданности.

Калёб только успел одеться и выпить первую чашку кофе – настоящего, не синтетического, доставленного специально для старших офицеров с колонии Новый Бразиль, – когда интерком ожил голосом капитана Накамуры:

– Командор на мостик. Срочно.

Он прибыл через четыре минуты, всё ещё ощущая горьковатое послевкусие кофе на языке. Мостик гудел активностью: офицеры склонились над своими консолями, по главному экрану бежали потоки данных.

– Что случилось?

Накамура повернулся к нему с выражением лица, которое Калёб не мог однозначно интерпретировать – смесь тревоги и любопытства.

– Сигнал, командор. Мы приняли сигнал.

– От каэлистов?

– Нет. – Накамура указал на экран. – От Цепи.

Калёб подошёл к тактическому столу. На голографической проекции пульсировала точка – один из узлов Цепи, обозначенный как Узел-47. И от этой точки шла линия, указывающая на «Рассвет Одиссея».

– Это направленная передача, – сказал лейтенант Мадхани, её пальцы летали над консолью. – Узкий луч, нацеленный точно на нас. Началась семнадцать минут назад.

– Содержание?

– Модулированные гравитационные волны. Тот же протокол, который Цепь использует для внутренней коммуникации между узлами. Но... – она замолчала, изучая данные.

– Но?

– Но паттерн другой. Это не часть обычного вычислительного процесса. Это... похоже на сообщение.

Калёб почувствовал, как учащается сердцебиение. За двадцать лет изучения Цепь никогда не демонстрировала признаков коммуникации с внешним миром. Она просто работала – молчаливая, равнодушная, непостижимая.

– Профессор Теорем?

– Уже здесь, – донёсся голос из-за спины. Теорем протиснулся к консоли, его глаза за очками лихорадочно блеснули. – Дайте мне данные. Все данные.

Следующие два часа прошли в напряжённом ожидании. Теорем и команда криптоаналитиков работали над расшифровкой сигнала, а Калёб расхаживал по мостику, не в силах усидеть на месте.

Доктор Кастро присоединилась к ним, едва услышав новость. Она стояла рядом с Калёбом, молча наблюдая за работой учёных.

– Это может быть что угодно, – сказала она тихо, чтобы слышал только он. – Автоматический отклик защитных систем. Предупреждение. Или...

– Или?

– Или приглашение.

Калёб посмотрел на неё:

– Вы серьёзно?

– Почему нет? Цепь существует миллиард лет. За это время мимо неё могли проходить десятки, сотни разумных видов. Возможно, у неё есть... протокол первого контакта.

Мысль была интригующей. И пугающей одновременно.

Наконец Теорем оторвался от консоли и повернулся к командному составу. Его лицо было бледным, глаза – огромными за стёклами очков.

– Я расшифровал, – сказал он. – По крайней мере, частично.

– И? – Кaleb подошёл ближе.

– Это... это координаты. Точные координаты в пространстве. И временная метка. – Теорем сглотнул. – Цепь назначает нам встречу.

Тишина обрушилась на мостик, словно физическая сила.

– Встречу? – переспросила Мадхани.

– Конкретная точка в пространстве, примерно в двенадцати световых годах отсюда. Время – через семьдесят два часа.

Кaleb смотрел на проекцию, где мерцали координаты. Точка находилась в относительно пустом регионе космоса – вдали от любых узлов Цепи, вдали от известных опасностей.

– Это может быть ловушкой, – сказал Накамура.

– Может, – согласился Кaleb. – А может быть шансом, которого мы ждали двадцать лет.

Он повернулся к экипажу:

– Проложите курс к указанным координатам. Полная боевая готовность. Истребительное звено – на горячем старте. – Помедлил. – И пригласите командера Зкаала присоединиться к нам. Согласно нашему соглашению, он имеет право знать.

Путь к назначенной точке занял шестьдесят восемь часов – «Рассвет Одиссея» шёл на пределе возможностей сверхсветового двигателя. Каэлистский флот следовал параллельным курсом, поддерживая дистанцию в несколько световых минут.

Кaleb провёл эти часы в состоянии нервного напряжения, которое не мог полностью скрыть. Он перечитывал все материалы о Предтечах, анализировал данные о Цепи, проводил бесконечные совещания с офицерами. Но главный вопрос оставался без ответа: чего ждать от «встречи»?

Элиза наверняка была бы в восторге, подумал он ночью, лёжа без сна в темноте каюты. Она всегда мечтала о настоящем контакте – не с молчаливыми артефактами, а с живым (или по крайней мере функционирующим) разумом Предтеч. Она говорила, что любые знания стоят любого риска.

Она и заплатила этот риск. Своей жизнью.

Но если бы она была здесь... она бы сказала: «Иди. Узнай. Это важнее страха».

И он собирался это сделать.

Точка встречи оказалась совершенно пустой – никаких планет, никаких астероидов, даже газопылевых облаков. Просто участок межзвёздного пространства, ничем не отличающийся от миллиардов других.

– Прибыли на позицию, – доложил Накамура. – Никаких объектов на сенсорах.

– Каэлисты?

– Вышли из сверхсвета минуту назад. Держатся в стороне, но наблюдают.

Кaleb кивнул:

– Ждём.

Ожидание было невыносимым. Минуты тянулись как часы. Экипаж на мостике едва дышал, каждый взгляд прикован к экранам.

И потом – это случилось.

Сначала – рябь на сенсорах, словно пространство вздрогнуло. Потом – вспышка, такая яркая, что автоматические фильтры едва успели защитить экраны. И когда зрение вернулось...

– Святые небеса, – прошептал кто-то.

Перед ними висел объект. Не корабль – это было бы слишком простым словом. Сфера идеальной формы, диаметром около километра, сотканная из того же материала, что и проводники Цепи. Она светилась изнутри мягким голубоватым светом, и поверхность её переливалась паттернами, которые напоминали... письменность? Схемы? Что-то за гранью понимания.

– Это вышло из подпространства, – голос Теорема был хриплым от изумления. – Нет, не из подпространства. Из... из ничего. Просто материализовалось.

– Командор, – Мадхани вглядывалась в свою консоль, – объект передаёт сигнал. Тот же протокол, что и раньше. Он... он приглашает нас внутрь.

Кaleb смотрел на сферу, и в его голове боролись два голоса. Один кричал об опасности, о ловушке, о том, что он не имеет права рисковать жизнями трёхсот двадцати членов экипажа. Другой – голос, подозрительно похожий на голос Элизы – говорил: «Это то, ради чего мы здесь. Это момент».

– Приготовьте шаттл, – сказал он наконец. – Я возглавляю исследовательскую группу.

– Командор! – Накамура шагнул вперёд. – Это безрассудство. Мы не знаем, что там внутри.

– Именно поэтому нужно выяснить.

– Тогда отправьте зонды. Беспилотники. Что угодно, кроме людей.

Кaleb покачал головой:

– Это не просто объект, капитан. Это приглашение. Если мы ответим машинами, мы покажем страх. Неуважение. – Он помедлил. – Кроме того... за двадцать лет Цепь уничтожила десятки наших зондов. Но она позвала нас сюда. Это... это шанс.

Накамура явно хотел возразить, но сдержался. Двадцать лет назад Кaleb уже рискнул – и потерял всё. Но он не отступил тогда и не отступит сейчас.

– Доктор Кастро, профессор Теорем, – Кaleb повернулся к учёным, – вы со мной. Лейтенант Мадхани, майор Вэнс – двое морпехов для охраны. Остальные остаются на борту.

– Я тоже пойду, – неожиданно раздался голос из динамиков связи. Голос Зкаала. – Если это контакт с создателями Цепи, Согласие должно присутствовать.

Кaleb обдумал это. Каэлист на борту шаттла создавал дополнительные сложности – атмосферу придётся корректировать, протоколы безопасности пересматривать. Но политически отказать было невозможно.

– Принято, командер. Стыкуйтесь с нашим шаттлом в шлюзе три.

Шаттл приближался к сфере, и Кaleb чувствовал, как растёт напряжение в тесном пассажирском отсеке. Кастро и Теорем склонились над портативными сканерами, записывая каждый бит данных. Мадхани сидела неподвижно, её лицо было маской профессиональной сосредоточенности. Двое морпехов – сержант Хольц и капрал Ривера – держали оружие наготове.

А Зкаал... Зкаал просто смотрел. Его кристаллическое тело слабо светилось в полумраке отсека, и Кaleb не мог прочесть никаких эмоций на его негуманоидном «лице».

– Вход обнаружен, – доложил пилот. – Отверстие диаметром пятьдесят метров на экваториальной линии. Разрешение на посадку?

– Давайте.

Шаттл скользнул внутрь сферы, и Кaleb задержал дыхание.

Внутренность была... невозможной. Огромное пространство, гораздо большее, чем позволял внешний размер объекта. Стены светились мягким голубым светом, и по ним бежали

паттерны – те же символы, что на внешней поверхности, но теперь они двигались, менялись, складывались в сложные узоры.

– Пространство внутри больше, чем снаружи, – пробормотал Теорем, глядя на показания приборов. – Они сворачивают измерения. Это... это технология на уровне божественного.

Шаттл сел на платформу, которая появилась словно из ничего – поверхность пола просто изменилась, создав ровную посадочную площадку.

– Атмосфера снаружи, – сказала Мадхани, изучая показания. – Азот, кислород, следы благородных газов. Дышать можно.

Калев кивнул:

– Они знают, что нам нужно для выживания. – Он повернулся к Зкаалу. – А вам?

– Я способен функционировать в широком диапазоне условий, – ответил каэлист. – Эта атмосфера приемлема.

Люк открылся, и они вышли наружу.

Первое, что почувствовал Калев – тишину. Абсолютную, всеобъемлющую. Никаких звуков работающих механизмов, никакого гула энергетических систем. Только их собственное дыхание и шаги по гладкому полу.

Второе – присутствие. Словно что-то огромное и древнее наблюдало за ними из стен, из света, из самого воздуха.

– Мы здесь, – сказал Калев вслух. Его голос эхом разнёсся по пространству. – Мы приняли ваше приглашение.

Долгое мгновение ничего не происходило. А потом свет изменился.

Из стен выступила фигура.

Не физически выступила – скорее, сформировалась из света и теней, приняв форму, которую человеческий (и, возможно, каэлистский) разум мог воспринять. Гуманоидный силуэт, но неправильный – слишком высокий, слишком тонкий, с конечностями, которые изгибались под неестественными углами.

– Приветствую вас, – произнёс голос. Он не исходил от фигуры – скорее, возникал прямо в сознании, минуя уши. – Прошло много времени с тех пор, как кто-то принял приглашение.

Калев заставил себя не отступать.

– Кто вы?

– Интерфейс. Средство коммуникации, созданное теми, кого вы называете Предтечами. – Фигура склонила голову. – Они предвидели, что когда-нибудь другие придут. И оставили меня... объяснить.

– Объяснить что?

– Зачем существует Цепь. И что произойдёт, когда вычисление завершится.

Калев почувствовал, как бешено колотится сердце. Двадцать лет. Двадцать лет он ждал этого момента.

– Мы слушаем, – сказал он.

И Интерфейс начал рассказывать.

История, которую они слышали, была... огромной. Слишком огромной для человеческого разума, слишком древней для понимания. Но Калев слушал, впитывая каждое слово.

Предтечи – создатели Цепи – существовали миллиард лет назад, когда галактика была молода. Они были первыми – первой разумной жизнью, поднявшейся из первобытного хаоса, первыми, кто посмотрел на звёзды и спросил «почему».

Они расселились по галактике, достигли высот, немыслимых для нынешних цивилизаций. Манипулировали звёздами, как игрушками. Создавали миры по своему усмотрению. Постигали законы Вселенной на уровне, недоступном смертным.

И обнаружили угрозу.

– Сингулярность, – произнёс Интерфейс, и его голос стал тяжелее. – Не чёрная дыра, не коллапсирующая звезда. Нечто иное. Аномалия в структуре пространства-времени, медленно расширяющаяся из центра галактики. Через миллионы лет она поглотит всё. Каждую звезду, каждую планету, каждую форму жизни.

– Но... мы не видим никакой аномалии, – сказал Теорем. – Наши сенсоры...

– Ваши сенсоры слепы. Аномалия существует на уровне, который вы не способны воспринять. Но она реальна. И она приближается.

Кaleb почувствовал холод внутри.

– И Цепь?..

– Цепь – решение. Или, точнее, инструмент для поиска решения. – Интерфейс сделал жест, и вокруг них развернулась голографическая карта галактики. – Предтечи поняли, что остановить аномалию невозможно. Но можно её... нейтрализовать. Создать контр-сингулярность, которая компенсирует разрушительный эффект.

– Контр-сингулярность?

– Точка в пространстве-времени с идеально противоположными параметрами. Когда две сингулярности столкнутся, они взаимно уничтожатся. – Голос Интерфейса стал почти торжественным. – Но для этого нужны точные координаты. Точные параметры. Малейшая ошибка – и вместо нейтрализации произойдёт усиление. Катастрофа многократно ускорится.

– И Цепь вычисляет эти параметры?

– Миллиард лет. Триста нейтронных звёзд, связанных в единую вычислительную сеть. Квадриллионы операций в секунду. Всё ради одного ответа: где и когда создать контр-сингулярность.

Кaleb смотрел на карту, где галактика мерцала миллиардами звёзд. И где-то в центре этого сияния пряталось нечто, способное уничтожить всё.

– Через пятьдесят лет, – сказал он медленно. – Вычисление завершится через пятьдесят лет.

– Да. И тогда Цепь сгенерирует контр-сингулярность в рассчитанных координатах. Галактика будет спасена.

– Но почему вы рассказываете нам это? Почему сейчас?

Интерфейс помолчал. И когда он заговорил снова, в его голосе появилось что-то... печальное?

– Потому что не все хотят, чтобы вычисление завершилось. Есть те, кто хочет остановить Цепь. Уничтожить её. – Он смотрел прямо на Калеба. – Ваше командование, командор. Они уже отдали приказ.

Кaleb застыл. Он чувствовал взгляды всех – Кастро, Теорема, Мадхани, Зкаала. Взгляды, полные вопросов.

– Откуда вы...

– Цепь наблюдает. Цепь знает. – Интерфейс сделал шаг ближе. – Я рассказываю вам это, командор Тайген, потому что вы – единственный, кто может остановить уничтожение. Вы потеряли жену из-за защитных систем Цепи. У вас есть причины желать мести. Но у вас есть и разум, способный увидеть большую картину.

Кaleb молчал. Слова застряли в горле.

– Выбор за вами, – продолжал Интерфейс. – Позволить Цепи завершить работу – и спасти галактику. Или уничтожить её – и обречь триллионы жизней на смерть через миллионы лет.

– Миллионы лет, – прошептал Кaleb. – Мы все давно умрём к тому времени.

– Но другие будут жить. Ваши потомки. Другие виды. Другие цивилизации, которые ещё не возникли. – Интерфейс склонил голову. – Предтечи пожертвовали собой ради будущего,

которого сами не увидят. Они построили Цепь, зная, что не доживут до результата. Это величайший дар, который можно сделать Вселенной – защитить тех, кто придёт после.

Тишина заполнила пространство. Калёб смотрел на Интерфейс, и в его голове бушевал хаос.

Всё, во что он верил, рушилось. Цепь – не угроза. Цепь – спасение. И его командование хочет её уничтожить.

– Мне нужно... мне нужно время, – сказал он наконец. – Обдумать. Решить.

– Времени мало, командор. Через шесть недель флот Конфедерации прибудет в сектор Тау с приказом уничтожить Цепь. У вас есть до тех пор, чтобы сделать выбор.

Интерфейс начал растворяться, сливаясь со светом стен.

– Подождите! – крикнул Калёб. – Как мы можем связаться с вами? Если у нас будут вопросы...

– Вы найдёте способ, – донёсся затихающий голос. – Вы уже нашли дорогу сюда. Найдёте и дорогу назад.

И он исчез.

Группа осталась одна в огромном, светящемся пространстве. Сфера вокруг них начала вибрировать – знак, что время уходит.

Калёб повернулся к своим спутникам. Кастро была бледна, Теорем что-то лихорадочно записывал на планшете, морпехи выглядели растерянными. И только Зкаал стоял неподвижно, его кристаллическое тело мерцало сложными паттернами.

– Возвращаемся на корабль, – сказал Калёб. – Нам есть о чём поговорить.

Обратный путь на «Рассвет Одиссея» прошёл в полном молчании. Каждый был погружён в свои мысли, пытаясь осмыслить услышанное.

Когда шаттл состыковался с флагманом, Калёб немедленно созвал совещание старших офицеров. Он изложил всё – рассказ Интерфейса, угрозу аномалии, назначение Цепи. Реакция была... сложной.

– Мы не можем просто верить какому-то голограммному призраку, – сказал майор Вэнс, скрестив руки на груди. – Это может быть манипуляция. Ловушка.

– Возможно, – согласился Теорем. – Но данные, которые мы получили... спектральный анализ Интерфейса показывает технологии, которые на порядки превосходят всё, что мы знаем. Если они способны на такое, зачем им врать?

– Чтобы защитить свою машину, – фыркнул Вэнс.

– Или чтобы защитить галактику, – тихо сказала Кастро.

Калёб поднял руку, прерывая спор:

– Мы не можем быть уверены ни в чём. Но мы можем проверить. Профессор, можно ли обнаружить аномалию, о которой говорил Интерфейс?

Теорем задумался:

– Если она существует на уровне, недоступном обычным сенсорам... нам понадобятся гравитационные детекторы экстремальной чувствительности. И точка наблюдения вблизи галактического центра.

– У нас есть зонды?

– Есть. Но путь до галактического центра – тысячи световых лет. Это займёт месяцы, даже на сверхсвете.

Калёб кивнул:

– Запускайте. Пусть это займёт время, но нам нужно знать правду.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

– А пока... пока мы продолжаем миссию. Изучаем Цепь. Собираем данные. И готовимся.

– К чему? – спросил Накамура.
Кaleb посмотрел ему в глаза:
– К любому исходу.

Той ночью Кaleb снова стоял у иллюминатора своей каюты. Цепь мерцала вдали – не угроза, если верить Интерфейсу. Спасение.

Но как поверить? Как принять решение, которое определит судьбу галактики?

Он достал медальон Элизы и сжал его в кулаке.

– Что бы ты сделала? – прошептал он в темноту. – Ты была умнее меня. Ты бы знала.

Молчание было ему ответом. Но где-то в глубине души он уже знал ответ.

Элиза рискнула жизнью ради знания. Она верила, что истина важнее страха.

И она была права.

Кaleb посмотрел на Цепь – на древнее творение, работающее миллиард лет ради спасения тех, кого создатели никогда не узнают.

– Я сделаю это правильно, – сказал он. – Обещаю.

И впервые за двадцать лет он почувствовал что-то похожее на мир.

Глава 2: Первый контакт

Сектор Тау, 2847 год Флагманский корабль «Рассвет Одиссея» 32 световых года от Узла-17

Зонд-разведчик «Меркурий-12» был последним словом человеческих технологий – цилиндр длиной в семь метров, начинённый сенсорами, анализаторами и системами связи, способными передавать данные через десятки световых лет. Его корпус из усиленного титанового сплава был покрыт слоем абляционной защиты, рассчитанной на температуры в миллионы градусов. Маневровые двигатели позволяли развивать ускорение в сотни g – достаточно, чтобы уклоняться от большинства известных угроз.

Но Калёб знал, что против Стражей этого недостаточно.

Он стоял в центре управления зондами – небольшом помещении на нижней палубе научного отсека, заставленном консолями и мониторами. Вокруг него собралась команда операторов: четверо техников, специалист по телеметрии и доктор Лена Кастро, которая настояла на личном присутствии.

– Зонд готов к запуску, командор, – доложил старший оператор, молодой человек по имени Паскаль. – Все системы в норме. Траектория рассчитана.

Калёб кивнул, изучая голографическую проекцию, висящую над центральным терминалом. Она показывала путь «Меркурия-12» – пологую кривую, огибающую гравитационные колодцы и радиационные пояса, ведущую к Узлу-17. Той самой нейтронной звезде, которую двадцать лет назад обнаружила «Касторея». Той самой, которая убила Элизу.

– Расчётное время до цели? – спросил он.

– Семьдесят два часа при текущем профиле ускорения. Мы будем получать телеметрию в реальном времени благодаря квантовой связи.

– Хорошо. – Калёб помедлил, глядя на проекцию. – Запуск.

Паскаль ввёл команду, и где-то в пусковом отсеке «Рассвета Одиссея» открылись створки. «Меркурий-12» скользнул в пустоту космоса, его ионные двигатели вспыхнули голубым пламенем, разгоняя аппарат прочь от флагмана.

Калёб смотрел, как зонд превращается в крошечную точку на экране, а потом исчезает в бесконечности.

– Теперь ждём, – сказал он тихо.

Ожидание было самой трудной частью. Семьдесят два часа – три полных дня по корабельному времени – пока «Меркурий-12» приближался к цели. Калёб провёл это время, погружившись в работу: совещания с офицерами, анализ данных, планирование дальнейших операций. Но часть его разума постоянно возвращалась к зонду, летящему через пустоту к месту, где погибла его жена.

На второй день ожидания к нему пришла доктор Кастро.

Она нашла его в наблюдательном зале – небольшом помещении на верхней палубе с прозрачным куполом, через который открывался вид на звёзды. Калёб сидел в кресле у самого стекла, глядя на далёкое мерцание Цепи.

– Я подумала, что найду вас здесь, – сказала Лена, подходя ближе. – Не помешаю?

– Нет. – Он кивнул на соседнее кресло. – Присаживайтесь.

Она села, и несколько минут они молчали, глядя на звёзды. Потом Лена заговорила:

– Вы часто приходите сюда?

– Каждую ночь. – Кaleb не отрывал взгляда от купола. – Когда я был моложе, я любил смотреть на звёзды. Они казались мне... обещанием. Обещанием того, что там, за горизонтом, есть что-то удивительное. Что-то, что стоит увидеть.

– А теперь?

– Теперь они напоминают мне о том, сколько людей погибло, пытаясь достичь их. – Он помолчал. – Элиза любила этот вид. Она говорила, что каждая звезда – это история, которую мы ещё не прочитали.

Лена не ответила сразу. Кaleb чувствовал её взгляд – внимательный, сочувственный, но без навязчивой жалости.

– Расскажите мне о ней, – попросила она наконец. – Если хотите. Я читала официальные отчёты, но они... они не передают человека.

Кaleb долго молчал. Он редко говорил об Элизе – слишком больно было касаться этой раны. Но что-то в голосе Лены, в её спокойном присутствии, располагало к откровенности.

– Она была... светом, – сказал он наконец. – Это звучит банально, но это правда. Когда она входила в комнату, всё вокруг становилось ярче. Она умела находить красоту в самых неожиданных местах – в уравнениях, в спектрограммах, в химическом составе дальних звёзд.

Он улыбнулся – грустной, отстранённой улыбкой.

– Мы познакомились в университете. Я был на втором курсе астрофизики, она – на четвёртом. Столкнулись в коридоре библиотеки, я уронил все её книги, она назвала меня медведем с двумя левыми ногами. – Он тихо рассмеялся. – Это была любовь с первого оскорбления.

Лена улыбнулась:

– Звучит как она.

– Вы бы ей понравились, – неожиданно сказал Кaleb. – Вы похожи. Не внешне, но... этот огонь внутри. Эта страсть к познанию.

Лена чуть порозовела, но промолчала.

– Она верила, что знание – высшая ценность, – продолжал Кaleb. – Что любой риск оправдан, если в конце ты узнаешь что-то новое о Вселенной. Я спорил с ней, говорил, что некоторые вещи лучше не знать. Она смеялась и называла меня трусом.

– А вы были трусом?

– Нет. – Кaleb покачал головой. – Я был реалистом. Я знал, что космос убивает тех, кто слишком дерзок. Но Элиза... она была храбрее меня. Всегда была.

Он замолчал, и тишина заполнила пространство между ними. За прозрачным куполом Цепь мерцала равнодушным светом.

– В тот день, – Кaleb заговорил снова, и его голос стал глуше, – когда «Касторея» атаковали, она могла спастись. Капсула была двухместной. Но я был ранен, без сознания. Она затолкала меня внутрь и закрыла люк снаружи.

– Она спасла вам жизнь.

– Она отдала свою жизнь за мою. – Кaleb сжал кулаки. – И последние двадцать лет я пытаюсь понять, заслужил ли я это. Стоило ли моё существование её смерти.

– Кaleb... – Лена потянулась к нему, положила ладонь на его руку. Прикосновение было тёплым, успокаивающим. – Вы не выбирали. Это был её выбор. И если она выбрала спасти вас, значит, она верила, что вы сделаете что-то важное с этой жизнью.

– «Сделай это правильно», – прошептал Кaleb. – Это были её последние слова. Я не слышал их – читал по губам через стекло капсулы. И до сих пор не знаю, что она имела в виду.

– Может быть, именно это. То, что вы делаете сейчас. Вернуться, понять, защитить.

Кaleb посмотрел на неё. В полумраке обсервационного зала её глаза казались очень тёмными, почти чёрными.

– Вы верите в это?

– Я верю, что вы найдёте ответ. – Она не отвела взгляда. – И когда найдёте – вы поймёте.

Они сидели в молчании ещё долго, глядя на звёзды. И впервые за много лет Кaleb не чувствовал себя совсем одиноким.

На третий день, за шесть часов до расчётного прибытия зонда к цели, Кaleb собрал ключевых членов команды в центре управления. Помимо операторов и Лены, присутствовали профессор Теорем, капитан Накамура, инженер Окунде и лейтенант Мадхани.

– «Меркурий-12» приближается к внешней границе системы Узла-17, – докладывал Паскаль, выводя данные на главный экран. – Дистанция до нейтронной звезды – примерно пятнадцать миллионов километров. Телеметрия стабильна, все системы работают в штатном режиме.

На экране развернулась картина, от которой у Калеба перехватило дыхание – даже после стольких лет, даже после всего пережитого.

Нейтронная звезда висела в пустоте, как глаз умирающего бога. Двадцать километров в диаметре – крошечная по космическим меркам, – но с массой в полторы солнечных. Поверхность светилась голубоватым светом, температура – миллионы градусов. Вокруг неё вращались завихрения раскалённого газа, захваченного чудовищной гравитацией.

И от неё в обе стороны тянулись проводники – материальные нити, соединяющие эту звезду с соседними. Они светились тусклым внутренним светом, словно вены космического левиафана, по которым течёт энергия вселенной.

– Господи, – прошептала Окунде. – Я видела снимки, но вживую...

– Снимки не передают масштаба, – согласился Теорем. Его глаза за очками горели лихорадочным блеском. – Смотрите на гравитационное линзирование – свет звёзд искривляется вокруг объекта. Мы буквально видим кривизну пространства-времени.

Кaleb молча смотрел на экран. Он видел это раньше – двадцать лет назад, через иллюминатор «Касторея». Тогда это зрелище наполнило его восторгом и страхом. Теперь – только холодной решимостью.

– Увеличьте изображение проводника, – приказал он.

Камера зонда сфокусировалась на одной из нитей, уходящих от звезды. Детализация была невероятной: Кaleb видел текстуру поверхности – не гладкую, как казалось издали, а испещрённую тысячами мельчайших структур. Каналы, отверстия, выступы – целая инфраструктура, назначение которой оставалось загадкой.

– Это то, о чём говорил Интерфейс, – сказала Лена, склоняясь к экрану. – Транспортные артерии. Смотрите – эти каналы ведут внутрь проводника.

– И вот здесь, – Теорем указал на точку соединения проводника со звездой, – входной портал. Диаметр примерно три километра. Данные «Касторея» были точными.

Кaleb кивнул:

– Зафиксируйте всё. Нам понадобятся детальные карты для планирования проникновения.

– Командор, – голос Паскаля стал напряжённым, – фиксирую активность в магнитосфере звезды.

Все взгляды обратились к тактическому дисплею. Там, в завихрениях плазмы вокруг нейтронной звезды, что-то двигалось. Тысячи крошечных точек, едва различимых на фоне сияния.

– Стражи, – прошептал Кaleb.

Он узнал их. Двадцать лет не стёрли из памяти тот кошмар – рои металлических хищников, несущихся сквозь пустоту со скоростью, которая казалась невозможной. Машины, созданные миллиард лет назад, всё ещё верные своей единственной задаче: защищать Цепь.

– Они пока не реагируют на зонд, – сказал Паскаль, но в его голосе звучала неуверенность. – Дистанция всё ещё достаточно велика.

– Продолжайте сближение, – приказал Кaleb. – Но держите руку на кнопке экстренного торможения.

Следующие два часа прошли в напряжённом молчании. «Меркурий-12» медленно приближался к нейтронной звезде, а операторы неотрывно следили за показаниями. Стражи продолжали свой вечный патруль, не обращая внимания на крошечный человеческий аппарат.

– Десять миллионов километров до цели, – доложил Паскаль. – Пока всё спокойно.

– Начинайте детальное сканирование поверхности звезды, – приказала Лена. – Нам нужны данные о тех структурах, которые обнаружила «Касторея».

На экране появилось увеличенное изображение. Кaleb наклонился ближе, всматриваясь в детали.

Элиза была права. На поверхности нейтронной звезды, среди бушующих плазменных океанов, виднелись геометрические формы. Не естественные образования – слишком правильные, слишком симметричные. Здания? Сооружения? Что-то совершенно иное?

– Боже мой, – прошептал Теорем. – Это... это архитектура. Кто-то построил город на поверхности нейтронной звезды.

– Температура там – около миллиона градусов по Цельсию, – сказала Окунде, её голос был хриплым от изумления. – Гравитация – в миллиарды раз сильнее земной. Какой материал может выдержать такое?

– Материал, которого мы не знаем. Технология, которую мы не понимаем. – Теорем лихорадочно печатал что-то на планшете. – Это меняет всё. Это доказывает, что Предтечи были... были чем-то за гранью нашего воображения.

Кaleb смотрел на экран и думал о Элизе. Она мечтала увидеть это. Она отдала жизнь, чтобы приблизиться к этому открытию.

– Восемь миллионов километров, – доложил Паскаль. И добавил, уже другим тоном: – Командор, активность в магнитосфере меняется.

Кaleb оторвался от экрана:

– Что именно?

– Стражи... они перегруппировываются. Смотрите.

На тактическом дисплее тысячи точек начали двигаться по-другому. Раньше они описывали хаотичные орбиты вокруг звезды. Теперь – концентрировались, формируя плотные скопления.

– Они нас заметили, – тихо сказал Накамура.

– Ещё нет, – возразил Кaleb, хотя внутренне уже знал, что капитан прав. – Продолжайте сближение. Нам нужно больше данных.

«Меркурий-12» двигался вперёд. Шесть миллионов километров. Пять. Четыре.

Скопления Стражей продолжали уплотняться. Теперь они выглядели как тёмные пятна на фоне сияния звезды – миллионы машин, сбивающихся в стаи.

– Три миллиона километров, – голос Паскаля дрожал. – Командор, я рекомендую отступление.

– Ещё минуту. – Кaleb не отрывал взгляда от экрана. – Лена, вы получили данные о структурах на поверхности?

– Достаточно для первичного анализа. Но если бы мы могли подойти ближе...

– Два с половиной миллиона километров, – Паскаль почти кричал. – Они двигаются!

Кaleb увидел это в ту же секунду. Одно из скоплений – может быть, сто тысяч единиц – отделилось от орбиты и устремилось навстречу зонду. Не просто двинулось – метнулось, набирая скорость с ускорением, которое казалось невозможным.

– Экстренное торможение! – крикнул Кaleb. – Разворот! Немедленно!

Паскаль ввёл команду. На экране показатели «Меркурия-12» резко изменились: ионные двигатели выдали максимальную тягу, разворачивая аппарат прочь от звезды.

Но было уже поздно.

Камера зонда успела захватить их – Стражей. Кaleb видел те же угловатые силуэты, что и двадцать лет назад. Металлические конструкции размером с человека, похожие на хищных насекомых. Множество выступов – антенны? Оружие? Сенсоры? Они двигались с координацией, которая выдавала роевой разум, – не как отдельные машины, а как единый организм.

– Сигнал теряется! – крикнул оператор телеметрии. – Множественные помехи!

Экран заполнился статикой. Потом – на долю секунды – изображение прояснилось. Кaleb увидел Стражей совсем близко, заполняющих всё поле зрения камеры. Увидел, как что-то вспыхнуло – луч? снаряд? – несущееся к объективу.

И экран погас.

– Связь потеряна, – доложил Паскаль мёртвым голосом. – «Меркурий-12» уничтожен.

Тишина обрушилась на командный центр. Кaleb смотрел на пустой экран, и воспоминания захлёстывали его. Двадцать лет назад он видел то же самое – последние кадры перед гибелью зонда «Меркурий-7». Потом – атака на «Касторею». Смерть Элизы.

– Сколько продержался зонд после начала атаки? – спросил он, и его голос прозвучал удивительно ровно.

Паскаль сверился с данными:

– Четыре целых семь десятых секунды, командор.

Менее пяти секунд. От момента, когда Стражи начали атаку, до полного уничтожения бронированного зонда с передовой защитой. Это была не битва – это была казнь.

– Записи? – спросила Лена.

– Все данные сохранены и переданы до потери связи, – подтвердил оператор. – Мы получили... много.

Кaleb кивнул:

– Хорошо. Начинайте анализ. – Он повернулся к выходу. – Я хочу полный отчёт через четыре часа.

Кaleb шёл по коридорам «Рассвета Одиссея», не обращая внимания на встречающих членов экипажа, отдающих честь. Его разум был далеко – там, в пустоте космоса, где обломки «Меркурия-12» дрейфовали среди звёзд.

Он оказался в тренировочном зале – полупустом помещении с тренажёрами и спарринговой площадкой. Автоматически переоделся в тренировочный костюм и встал перед боксёрским мешком.

Первый удар. Второй. Третий.

Он бил, не считая, не думая. Просто позволяя ярости и боли выходить через кулаки. Мешок раскачивался под ударами, но Кaleb не останавливался.

Четыре целых семь десятых секунды. Столько времени понадобилось Стражам, чтобы уничтожить зонд.

Сколько понадобилось, чтобы уничтожить «Касторею»? Он не помнил точно – в тот момент было не до подсчётов. Но, наверное, не намного больше.

Удар. Удар. Удар.

Они такие быстрые. Такие эффективные. Миллиард лет работы, и они всё ещё безупречны. Как победить врага, который совершенствовался миллиард лет?

– Командор?

Голос за спиной заставил его остановиться. Кaleb обернулся, тяжело дыша. В дверях стояла лейтенант Мадхани, её лицо было нечитаемым.

– Лейтенант, – он выпрямился, пытаясь восстановить дыхание. – Что-то срочное?

– Нет, сэр. – Она шагнула внутрь, и дверь закрылась за её спиной. – Я просто... хотела проверить, как вы.

– Как я? – Калёб усмехнулся. – Я в порядке, лейтенант.

– С уважением, сэр, но это не похоже на правду.

Он посмотрел на неё внимательнее. Что-то в её глазах... что-то, чего он не мог определить.

– Вы что-то хотите мне сказать, Мадхани?

Она помедлила. Калёб видел, как она борется с собой – словно на краю пропасти, не решаясь прыгнуть.

– Я знаю, каково это, – сказала она наконец. – Терять людей. Чувствовать себя беспомощным.

– У вас есть такой опыт?

– У меня... была сестра. – Мадхани отвела взгляд. – Она погибла на «Касторее».

Калёб замер.

– Что?

– Техник Прия Мадхани. – Лейтенант подняла глаза, и в них стояли непролитые слёзы. – Моя старшая сестра. Она была в инженерной команде.

Прия Мадхани. Калёб помнил это имя. Помнил лицо – молодая женщина, всегда улыбающаяся, всегда готовая помочь. Она погибла в первые секунды атаки, когда снаряды Стражей пробили инженерный отсек.

– Я не знал... – начал он.

– Вы не могли знать. Я использую девичью фамилию матери в документах. – Мадхани сглотнула. – Когда я узнала, что вы возглавляете экспедицию к Цепи, я сделала всё, чтобы попасть в вашу команду.

– Почему?

– Потому что я хотела понять. – Её голос дрожал, но взгляд был твёрдым. – Понять, за что она погибла. Что такого важного в этой структуре, что стоило жизни моей сестры и ещё сорока двух человек.

Калёб долго смотрел на неё. Теперь он видел то, что не замечал раньше: сходство с Прией – разрез глаз, линия подбородка. И ту же силу внутри.

– Мне жаль, – сказал он наконец. – Мне жаль вашу сестру. И мне жаль, что я не смог защитить её.

– Вы не виноваты, командор. Я читала отчёты. Вы сделали всё возможное.

– Возможного оказалось недостаточно.

Мадхани покачала головой:

– Против такого врага... никакого «возможного» не было бы достаточно. Но теперь мы знаем больше. У нас больше ресурсов, больше технологий. Мы можем попробовать снова.

– Попробовать что?

– Найти ответы. – Она шагнула ближе. – Вы слышали Интерфейс. Цепь – не угроза. Она спасает галактику. Если мы сможем доказать это...

– Если сможем, – Калёб кивнул. – Но для этого нужно попасть туда. Внутрь. Мимо Стражей.

– И вы найдёте способ. – В её голосе звучала уверенность, которой Калёб не чувствовал сам. – Я верю в это.

Он смотрел на неё, и что-то шевельнулось в его груди. Надежда? Благодарность? Или просто признание, что он не один в своей борьбе?

– Спасибо, лейтенант, – сказал он. – За откровенность. И за веру.

Мадхани отдала честь:

– Всегда к вашим услугам, командор.

Она повернулась, чтобы уйти, но у двери остановилась.

– Командор? Прия... она всегда говорила, что вы лучший командир, под началом которого она служила. Что вы заботитесь о своих людях. – Пауза. – Она гордилась бы тем, что вы продолжаете её дело.

И вышла, оставив Калеба наедине с мыслями.

Четыре часа спустя научная команда собралась в конференц-зале для анализа полученных данных. Голографический проектор показывал замедленную запись последних секунд «Меркурия-12» – бесконечный цикл атаки и уничтожения.

– Мы изучили поведение Стражей, – докладывала Лена, стоя у проекции. – И обнаружили несколько интересных паттернов.

Она переключила изображение, показав траектории движения отдельных боевых единиц.

– Во-первых, они не атакуют хаотично. Смотрите – каждый Страж занимает определённую позицию, создавая трёхмерную сеть. Они окружают цель со всех сторон одновременно, отрезая пути отступления.

– Роевой интеллект, – кивнул Теорем. – Децентрализованная система управления. Нет единого командного центра, каждая единица принимает решения на основе простых правил и информации от соседей.

– Что это означает практически? – спросил Накамура.

– Что их нельзя обезглавить, – ответил Теорем. – Уничтожьте одного, десять, сто – рой продолжит функционировать. Это делает их практически неуязвимыми для обычной тактики.

– Практически, – повторил Калёб. – Но не полностью?

Теорем поправил очки:

– Децентрализованные системы имеют слабость: они уязвимы к помехам в коммуникации. Если Стражи координируются через электромагнитные сигналы, мы можем попытаться их заглушить.

– Пробовали, – сказала Окунде. – На полпути к Узлу мы выпустили пакет помеховых снарядов. Результат – ноль. Либо они используют другой канал связи, либо...

– Либо они достаточно умны, чтобы работать автономно, – закончил Калёб.

– Есть ещё кое-что, – Лена переключила изображение снова. – Смотрите на момент атаки. Стражи не просто уничтожили зонд – они его разобрали.

На экране появилось увеличенное изображение: тонкие щупальца, выходящие из корпусов Стражей, проникающие в обшивку «Меркурия-12». Не разрывающие – именно проникающие, словно хирургические инструменты.

– Они изучали его, – сказала Лена. – Пока уничтожали – одновременно анализировали. Смотрели, из чего он сделан, как работает.

– Они учатся, – прошептал Накамура.

– Да. Каждый зонд, который мы отправляем, даёт им больше информации о наших технологиях. Они адаптируются.

Калёб чувствовал, как холод ползёт по позвоночнику. Враг, который учится. Враг, который адаптируется. Миллиард лет такой адаптации – и вот результат: система защиты, которую, возможно, невозможно преодолеть.

– Есть хорошие новости? – спросил он.

Лена позволила себе слабую улыбку:

– На самом деле, да. – Она вывела на экран новый набор данных. – Перед уничтожением зонд успел передать детальные сканы поверхности звезды и входного портала в проводник.

Изображение показывало трёхкилометровое отверстие в точке соединения проводника с нейтронной звездой. Края были гладкими, словно вырезанными лазером. Внутри просматривались структуры – коридоры? туннели? – уходящие в глубину.

– Портал не охраняется, – продолжала Лена. – По крайней мере, не так, как внешний периметр. Стражи концентрируются в магнитосфере звезды, но внутрь проводника они не заходят.

– Почему? – спросил Теорем.

– Возможно, внутренняя среда слишком агрессивна даже для них. Или там есть другая система защиты. Или... – она помедлила, – или вход открыт намеренно.

– Намеренно?

– Интерфейс говорил о «приглашении». Может быть, Цепь хочет, чтобы кто-то вошёл внутрь. Но только тот, кто достаточно смел – или безрассуден – чтобы пройти через Стражей.

Калёб смотрел на изображение портала. Чёрное отверстие, ведущее в неизвестность. Приглашение или ловушка?

– Сколько времени нужно, чтобы пройти от внешнего периметра Стражей до портала? – спросил он.

– При максимальном ускорении и удачном маневрировании – примерно двенадцать минут, – ответила Окунде. – Но это теоретически. Практически... никто не выживал даже пять секунд.

– «Меркурий-12» не маневрировал, – сказал Калёб медленно. – Он двигался по прямой траектории, как мишень на стрельбище.

– Вы думаете, что можно увернуться от Стражей?

– Я думаю, что нужно попробовать.

Накамура покачал головой:

– Командор, это самоубийство. Их миллионы. Они быстрее любого корабля, который мы можем построить.

– Быстрее любого корабля, – согласился Калёб. – Но мы не будем использовать корабль. Все посмотрели на него.

– Что вы имеете в виду? – спросила Лена.

Калёб повернулся к инженеру Окунде:

– Кэй, помните тот проект, который вы разрабатывали для астероидной добычи? Беспилотный торпедный модуль с инерциальным экранированием?

Окунде нахмурилась:

– «Сверчок»? Это экспериментальная технология. Прототип ни разу не тестировался в реальных условиях.

– Но теоретически он способен выдержать ускорение в тысячу g?

– Теоретически – да. Инерциальные компенсаторы должны защитить содержимое от перегрузок. Но человеческий организм...

– Я не говорю о человеке. – Калёб улыбнулся – хищной, решительной улыбкой. – Я говорю о способе доставки научного оборудования к portalу. Маленький, быстрый, маневренный модуль, который пронесётся через периметр Стражей прежде, чем они успеют среагировать.

– Это... – Окунде задумалась. – Это может сработать. При достаточном ускорении мы можем сократить время в зоне поражения до нескольких секунд.

– Но «Сверчок» не предназначен для таких миссий, – возразила Лена. – Он не несёт достаточно сенсоров для полноценного исследования.

– Тогда мы его модифицируем. – Калёб обвёл взглядом собравшихся. – У нас есть ресурсы, есть специалисты, есть время. Пусть немного, но есть.

– Командор, – Накамура поднялся, – даже если модуль прорвётся к portalу... что дальше? Как он вернётся?

Калёб помолчал.

– Он не вернётся, – сказал наконец. – Это миссия в один конец. Модуль войдёт в проводник, соберёт данные и передаст их до того, как... до того, как связь прервётся.

– Вы говорите о камикадзе.

– Я говорю о необходимой жертве. – Калёб выпрямился. – Мы не можем позволить себе отступить. Не сейчас, когда мы так близко.

Тишина заполнила зал. Калёб видел на лицах офицеров смешанные чувства: сомнение, страх, решимость.

Наконец заговорил Теорем:

– Я могу усовершенствовать системы сбора данных. Если модуль успеет передать хотя бы минуту записей из проводника, это будет больше, чем мы когда-либо имели.

– Я возьму на себя модификацию корпуса, – добавила Окунде. – Нам понадобится дополнительная защита от радиации внутри проводника.

– А я, – Лена посмотрела на Калеба, – разработаю программу сканирования. Каждая секунда внутри должна дать максимум информации.

Калёб кивнул:

– Хорошо. Приступаем немедленно.

Работа над проектом «Сверчок-2» – так неофициально окрестили модифицированный модуль – заняла восемь дней. Восемь дней круглосуточного труда, когда инженеры, учёные и техники работали сменами, не покидая ангар.

Калёб бывал там каждый день, наблюдая за прогрессом. Он видел, как голый каркас прототипа обрастает слоями защиты, как устанавливаются сенсоры и системы связи, как тестируются двигатели.

Окунде оказалась права: оригинальный «Сверчок» не был рассчитан на такие задачи. Но под её руководством команда инженеров творила чудеса. Они усилили корпус, добавили резервные системы, установили самые чувствительные сенсоры, какие только могли найти на борту «Рассвета Одиссея».

– Он готов, – объявила Окунде на девятый день, стоя перед завершённым модулем.

«Сверчок-2» выглядел непропорционально маленьким – цилиндр длиной в четыре метра, ошестинившийся антеннами и датчиками. Его поверхность была покрыта абляционной бронёй, способной выдержать чудовищные температуры внутри проводника.

– Время прорыва через периметр Стражей при максимальном ускорении – восемь целых две десятых секунды, – докладывала Окунде. – Запас топлива позволит двигаться внутри проводника примерно сорок минут, после чего модуль перейдёт в режим дрейфа.

– Связь? – спросил Калёб.

– Квантовый передатчик. Теоретически должен работать даже сквозь нейтронное вещество проводника. Теоретически.

– Много «теоретически».

– Это всё, что у нас есть, командор.

Калёб обошёл модуль, касаясь его поверхности. Холодный металл под пальцами. Машина, которая понесёт их надежды в самое сердце Цепи.

– Когда можем запустить?

– Через шесть часов. Нужно провести финальную диагностику и загрузить программу миссии.

Калёб кивнул:

– Действуйте.

Запуск «Сверчка-2» состоялся в полночь по корабельному времени. Калёб стоял в командном центре, окружённый офицерами и учёными. Напряжение в воздухе было почти осязаемым.

– Модуль в позиции, – докладывал Паскаль. – Системы активированы. Готовность к запуску.

– Запуск, – приказал Калёб.

«Сверчок-2» рванулся вперёд. На экране его метка превратилась в размытую линию – так быстро он двигался. Двигатели выдавали тысячу g ускорения, и модуль набирал скорость с каждой секундой.

– Приближение к периметру Стражей, – докладывал оператор. – Тридцать секунд до контакта.

Калёб смотрел на тактический дисплей. Там, впереди, ждали Стражи – миллионы смертоносных машин, готовых уничтожить любого нарушителя.

– Двадцать секунд.

Рои начали двигаться. Даже на расстоянии, даже через сенсоры, Калёб чувствовал их пробуждение – волну активности, прокатившуюся по магнитосфере звезды.

– Десять секунд.

– Стражи реагируют! – крикнул кто-то. – Они перехватывают!

– Пять секунд.

На экране тысячи точек устремились к «Сверчку-2». Быстрые, неумолимые, смертоносные.

– Три... два... один... контакт!

Телеметрия показывала хаос. Модуль нёсся сквозь рой Стражей, уклоняясь от атак с помощью запрограммированных манёвров. Его корпус содрогался от близких попаданий, абляционная броня испарялась под ударами.

– Повреждения тридцать процентов! – кричал Паскаль. – Сорок! Пятьдесят!

Калёб сжал кулаки. Продержись. Ещё немного.

– Семь секунд в зоне!

– Повреждения семьдесят процентов!

– Восемь секунд!

И вдруг – экран мигнул. Телеметрия изменилась.

– Он внутри! – завопила Лена. – Модуль вошёл в проводник!

Калёб выдохнул. Он не осознавал, что задерживал дыхание.

«Сверчок-2» выжил. Искалеченный, повреждённый, но функционирующий. Он пронёсся сквозь ад и вырвался по ту сторону.

На экране появилось изображение – первые кадры изнутри проводника.

Калёб замер, не в силах отвести взгляд.

Это было... прекрасно. И ужасающе. Туннель из светящегося вещества, стены которого пульсировали энергией. Потoki чего-то – плазмы? информации? – текли по каналам, вьющимся вдоль стен. Всё вокруг дышало жизнью – не биологической, но жизнью тем не менее.

– Боже мой, – прошептал Теорем. – Это... это артерия. Мы внутри кровеносной системы гигантского механизма.

– Сенсоры фиксируют колоссальную энергетическую активность, – докладывал оператор. – Уровни радиации... запредельные. Но модуль держится.

– Сколько у нас времени? – спросил Калёб.

– Примерно тридцать минут до критического повреждения систем.

– Активируйте все сенсоры. Записывайте всё.

Следующие полчаса прошли как во сне. «Сверчок-2» дрейфовал по внутренностям проводника, его камеры и сенсоры жадно поглощали информацию. Калёб видел структуры, которые не мог понять, – гигантские механизмы, обрабатывающие потоки энергии; узловые точки, где сходились десятки каналов; что-то похожее на... на органы?

– Это не просто компьютер, – сказала Лена, её голос был хриплым от изумления. – Это организм. Живой организм из нейтронного вещества и энергии.

– Не живой в нашем понимании, – поправил Теорем. – Но... функционирующий. Самоподдерживающийся. Возможно, даже развивающийся.

– Модуль приближается к критическому состоянию, – предупредил Паскаль. – Системы отказывают. Связь нестабильна.

– Ещё минуту, – попросил Калёб. – Нам нужно больше данных.

– Командор, мы потеряем модуль!

– Я знаю. Ещё минуту.

Изображение на экране начало распадаться. Статика заполняла кадры, прерывая поток данных. Но сквозь помехи Калёб увидел ещё одну вещь – что-то впереди по курсу модуля.

Камера, выходящая в открытое пространство. Внутренняя полость проводника, огромная, как планета. И там, в центре...

– Что это? – прошептала Лена.

Калёб не знал. Что-то светящееся. Что-то огромное. Что-то, что пульсировало собственным сердцебиением.

И потом – связь оборвалась.

Экран погас.

– Модуль потерян, – доложил Паскаль. Его голос был ровным, но руки дрожали.

Калёб смотрел на пустой экран. Они потеряли «Сверчок-2». Но...

– Все данные сохранены? – спросил он.

– Да, командор. Тридцать две минуты записей.

Тридцать две минуты. Больше, чем кто-либо получал за двадцать лет исследований.

Калёб повернулся к команде:

– Начинайте анализ. Я хочу знать всё, что мы узнали.

Анализ данных занял трое суток. Трое суток, в течение которых научная команда работала практически без сна, изучая каждый кадр, каждое показание сенсоров, каждый бит информации, переданный «Сверчком-2».

Результаты были... ошеломляющими.

– Цепь – это не компьютер в нашем понимании, – объясняла Лена на итоговом брифинге. Голографическая модель висела над столом, показывая внутреннее строение проводника. – Это симбиотический организм. Нейтронные звёзды служат не процессорами, а скорее... сердцами. Они генерируют энергию, которая питает всю систему.

– А проводники? – спросил Калёб.

– Проводники – это нервная система и кровеносная система одновременно. По ним течёт и информация, и энергия. Они соединяют «сердца» в единое целое.

– Но главное открытие, – вмешался Теорем, – это то, что мы увидели в конце записи. Та полость внутри проводника.

Он вывел на экран последние кадры – размытые, испорченные помехами, но различимые.

– Это центральный узел. Точка, где сходятся информационные потоки со всей Цепи. И там... – он указал на светящийся объект в центре полости, – там находится что-то вроде... мозга.

– Мозга? – переспросил Накамура скептически.

– Метафорически. Центральный процессор, если хотите. Место, где производятся основные вычисления. Место, где хранится результат миллиарда лет работы.

Калёб смотрел на изображение. Светящийся объект был огромным – километры в поперечнике. И он пульсировал, словно живое сердце.

– Если мы хотим понять, что вычисляет Цепь... – начал он.

– Нам нужно попасть туда, – закончила Лена. – К центральному узлу.

– Это возможно?

– Технически – да. «Сверчок-2» выжил внутри проводника тридцать две минуты. С лучшей защитой, с пилотируемым модулем...

– Лена, – Калёб поднял руку, – вы говорите о пилотируемой миссии внутрь проводника?

– Я говорю о единственном способе получить ответы.

Тишина повисла над столом. Калёб видел на лицах офицеров страх и понимание. Они знали, что это значит. Миссия внутрь Цепи – в самое сердце структуры, которая убила «Касторею» и десятки зондов.

Но они также знали, что выбора нет.

– Хорошо, – сказал Калёб наконец. – Начинаем планирование. – Он обвёл взглядом присутствующих. – И на этот раз мы пойдём сами.

После брифинга Калёб остался в конференц-зале один. Голографическая модель всё ещё висела над столом – внутренности проводника, светящийся центральный узел, бесконечные потоки энергии. Он смотрел на неё и думал о том, что предстоит.

Пилотируемая миссия внутрь Цепи. Слова звучали почти буднично, но за ними скрывалась реальность, от которой захватывало дух и сжималось сердце. Они собирались отправить людей туда, где не выживал ни один беспилотный зонд. Туда, где радиация могла убить за секунды, где гравитационные силы могли разорвать корабль на атомы, где миллионы Стражей ждали любого нарушителя.

И он собирался возглавить эту миссию лично.

Дверь конференц-зала открылась, и вошла Лена. Она остановилась у порога, глядя на него с выражением, которое Калёб не мог однозначно интерпретировать.

– Я думала, вы уже ушли, – сказала она.

– Задержался. – Он указал на голограмму. – Пытаюсь осмыслить то, что мы обнаружили.

Лена подошла ближе и встала рядом с ним, глядя на светящуюся модель.

– Это меняет всё, что мы знали о Предтечах, – сказала она тихо. – Мы думали, что они создали машину. А они создали... что-то живое.

– Или что-то, что стало живым за миллиард лет существования.

– Возможно. – Она помолчала. – Калёб... вы действительно собираетесь лететь сами?

– Да.

– Почему?

Он долго смотрел на голограмму, прежде чем ответить.

– Потому что я единственный, кто знает, с чем мы столкнёмся. Я видел Стражей вблизи, пережил их атаку. Я понимаю, как они действуют, как думают – если это слово вообще применимо к ним.

– Это не ответ, – мягко возразила Лена. – Вы могли бы передать свои знания кому-то другому. Подготовить пилота, который полетит вместо вас.

Калёб повернулся к ней:

– Вы хотите честный ответ?

– Всегда.

– Я должен это сделать. – Он сжал кулаки. – Двадцать лет я жил с чувством вины. Чувством, что я выжил, когда должен был погибнуть. Что Элиза отдала свою жизнь за мою – и я не заслужил этой жертвы.

– Кaleb...

– Дайте мне договорить. – Он поднял руку. – Эта миссия – шанс всё исправить. Не в смысле искупления – я знаю, что искупление невозможно. Но в смысле... завершения. Элиза погибла, пытаясь понять Цепь. Если я смогу довести её работу до конца, если смогу найти ответы, которые она искала...

Он замолчал, не в силах закончить фразу.

Лена долго смотрела на него. Потом протянула руку и положила её на его плечо – жест поддержки, простой и искренний.

– Вы не должны это делать в одиночку, – сказала она. – Я полечу с вами.

– Лена, это слишком опасно...

– Я знаю. – Она улыбнулась. – Но кто-то должен следить, чтобы вы не совершили какую-нибудь героическую глупость. И кроме того, – её улыбка стала шире, – я учёный. Моё место там, где делаются открытия.

Кaleb смотрел на неё и чувствовал, как что-то тёплое разливается в груди. Впервые за долгое время он не чувствовал себя одиноким в своей борьбе.

– Спасибо, – сказал он.

– Не благодарите, пока не вернёмся живыми.

Следующие две недели превратились в гонку со временем. Инженерная команда под руководством Окунде работала над созданием пилотируемого модуля, способного выдержать условия внутри проводника. Научная группа анализировала данные «Сверчка-2», выстраивая маршрут к центральному узлу. Военные готовили план прорыва через периметр Стражей.

Кaleb был везде одновременно: в ангаре, где рождался новый модуль; в лабораториях, где кипела работа над анализом данных; на мостике, где Накамура координировал действия флота. Он спал по четыре часа в сутки, питался концентратами из автоматов и держался на кофеине и чистой силе воли.

Однажды вечером – или тем, что считалось вечером по корабельному времени, – к нему в каюту пришёл профессор Теорем.

– Командор, – сказал он, протискиваясь в дверь, – у меня есть кое-что, что вы должны увидеть.

Кaleb отложил планшет с отчётами:

– Что случилось?

Теорем выглядел взволнованным – ещё больше, чем обычно. Его седые волосы торчали в разные стороны, очки съехали на кончик носа, глаза горели лихорадочным блеском.

– Я проанализировал энергетические паттерны центрального узла, – сказал он, активируя голографический проектор. – И обнаружил кое-что... неожиданное.

На экране появилась сложная диаграмма – волнообразные линии, пересекающиеся в тысячах точек.

– Это спектр энергетических пульсаций узла, – объяснил Теорем. – Смотрите на эти пики. Они повторяются с определённой периодичностью.

– И что это означает?

– Сначала я думал, что это просто рабочий ритм системы. Но потом я сравнил паттерны с нашими записями модуляций гравитационных волн, которые Цепь использует для внутренней коммуникации. И знаете, что я обнаружил?

Кaleb покачал головой.

– Совпадение. Полное совпадение. – Теорем снял очки и протёр их, жест, который выдавал крайнее возбуждение. – Командор, центральный узел не просто обрабатывает данные. Он... он разговаривает.

– Разговаривает?

– С остальной частью Цепи. С другими узлами. – Теорем снова надел очки. – Но это ещё не всё. Часть сигналов направлена... вовне.

– Вовне? Куда?

– Я не уверен. Но если мои расчёты верны... – Теорем помедлил, – Цепь отправляет сигналы за пределы галактики.

Кaleb замер.

– За пределы галактики?

– Да. В направлении скопления Девы. Примерно пятьдесят миллионов световых лет отсюда.

Пятьдесят миллионов световых лет. Это было за гранью человеческого воображения – расстояние, которое свет преодолевал за пятьдесят миллионов лет. И Цепь отправляла туда сигналы.

– Зачем? – спросил Кaleb, хотя уже догадывался, что ответа не будет.

– Я не знаю, – признал Теорем. – Но у меня есть гипотеза. – Он вывел на экран новую диаграмму – карту галактики, с Цепью в секторе Тау и линией, уходящей в направлении скопления Девы. – Что, если Цепь – не единственная подобная структура во Вселенной? Что, если Предтечи построили сеть таких мегакомпьютеров по всему космосу?

– Сеть?

– Да. И они общаются друг с другом. Обмениваются данными, координируют вычисления. – Теорем посмотрел на Калеба. – Интерфейс говорил о галактической угрозе, которую Цепь должна нейтрализовать. Но что, если угроза... больше? Что, если она затрагивает всю Вселенную?

Кaleb смотрел на карту, и масштаб происходящего давил на него, словно физическая тяжесть. Триста нейтронных звёзд в секторе Тау – это было грандиозно. Но сеть мегаструктур по всей Вселенной, координирующая усилия на протяжении миллиардов лет...

– Если это правда, – сказал он медленно, – тогда уничтожение нашей Цепи может повлиять на всю сеть. Может нарушить общий расчёт.

– Именно. – Теорем кивнул. – Мы не просто защищаем нашу галактику, командор. Возможно, мы защищаем всю Вселенную.

Новость о открытии Теорема распространилась по кораблю за считанные часы. Кaleb видел, как меняется настроение экипажа: страх и неуверенность уступали место чему-то другому. Осознанию важности миссии. Пониманию, что они участвуют в чём-то, что выходит далеко за рамки их маленьких жизней.

Но было и другое.

На третий день после открытия Теорема к Калебу пришёл майор Вэнс.

– Командор, – сказал он, закрывая дверь каюты, – у нас проблема.

– Что случилось?

Вэнс сел напротив Калеба, его лицо было мрачным.

– Среди экипажа ходят разговоры. Некоторые люди... не согласны с направлением миссии.

– Не согласны?

– Они считают, что мы должны вернуться в Конфедерацию. Доложить о том, что узнали. Позволить командованию принять решение.

Калёб нахмурился:

– Мы уже обсуждали это. Те, кто не согласен, имели возможность уйти.

– Да. Но некоторые... передумали. – Вэнс помолчал. – И не все из них готовы открыто заявить о своей позиции.

– Вы говорите о саботаже?

– Я говорю о возможности. – Вэнс встретил взгляд Калёба. – Командор, я не хочу сеять паранойю. Но мои люди фиксируют... странные вещи. Зашифрованные передачи с корабля. Необъяснимые сбои в системах. Может быть, это совпадение. А может быть...

– Кто?

– Я не знаю. Пока. Но я провожу расследование. – Вэнс выпрямился. – Я просто хотел, чтобы вы знали. И были осторожны.

Калёб кивнул:

– Спасибо, майор. Держите меня в курсе.

После ухода Вэнса Калёб долго сидел в темноте каюты, размышляя. Саботаж. Возможность, которую он не хотел рассматривать, но которую нельзя было игнорировать.

Кто? Кто-то из разочарованных, кто не решился уйти открыто? Кто-то, связанный с командованием Конфедерации? Или...

Он вспомнил лейтенанта Мадхани. Её признание о сестре, погибшей на «Касторее». Её слова поддержки.

Нет. Он не мог подозревать всех. Это путь к паранойе, к разрушению доверия, без которого невозможно вести миссию.

Но осторожность не мешает.

Модуль для пилотируемой миссии был готов через две недели после начала работ. Окунде назвала его «Прометей» – в честь титана, который принёс огонь людям и был за это наказан богами.

– Надеюсь, это не пророчество, – заметил Калёб, осматривая завершённую конструкцию.

«Прометей» был крупнее «Сверчка» – двенадцать метров в длину, с жилым отсеком на четырёх человек и грузовым пространством для научного оборудования. Его корпус состоял из трёх слоёв защиты: внешняя абляционная броня, средний слой из экспериментального керамического композита и внутренний кокон из свинца и графена для защиты от радиации.

– Он выдержит, – заверила Окунде, похлопывая по корпусу модуля. – По крайней мере, достаточно долго, чтобы вы добрались до центрального узла.

– А обратно?

Окунде помолчала.

– Это... сложнее. Топлива хватит на обратный путь, если вы не будете задерживаться слишком долго. Но корпус к тому времени будет серьёзно повреждён радиацией. Честно говоря, командор... – она посмотрела ему в глаза, – я не уверена, что вы вернётесь.

– Я знаю, – сказал Калёб спокойно. – Но это не меняет решения.

– Я знала, что вы так скажете. – Окунде улыбнулась. – Поэтому я добавила кое-что. – Она повела его к кормовой части модуля. – Экспериментальный экстренный маяк. Если основные системы откажут, он активируется автоматически и передаст ваши координаты. Может быть, кто-то сможет вас подобрать.

– Может быть?

– Лучше, чем ничего.

Калёб кивнул:

– Спасибо, Кэй. За всё.

– Вернитесь живым, командор. Это будет лучшая благодарность.

Экипаж «Прометей» был определён за три дня до вылета. Четыре человека: Калёб Тайген – командир; доктор Лена Кастро – научный специалист; профессор Элиас Теорем – специалист по коммуникациям с Цепью; и, к удивлению многих, командер Зкаал от Каэлистов.

– Согласие должно присутствовать при историческом моменте, – объяснил Зкаал на совещании, где объявлялся состав экипажа. – Если люди вступят в контакт с наследием Предтеч, Каэлисты имеют право быть свидетелями.

Калёб не возражал. Присутствие Зкаала добавляло миссии политического веса. Кроме того, каэлисты славились своей устойчивостью к радиации – кремниевая биология имела свои преимущества.

Ночь перед вылетом Калёб провёл в наблюдательном зале. Он сидел в темноте, глядя на звёзды и думая о том, что впереди.

Около полуночи дверь открылась, и вошла Лена. Она несла два стакана – настоящий кофе, судя по запаху.

– Подумала, что вам пригодится, – сказала она, протягивая один стакан.

– Спасибо. – Калёб принял кофе и сделал глоток. Горячая жидкость согрела изнутри.

Лена села рядом, и некоторое время они молчали, глядя на звёзды.

– Страшно? – спросила она наконец.

– Да, – признался Калёб. – Было бы странно, если бы нет.

– Мне тоже. – Лена обхватила стакан обеими руками. – Но знаете, что странно? Я не хочу отступать. Несмотря на страх, несмотря на риск... я хочу увидеть то, что внутри. Хочу знать.

– Элиза была такой же, – сказал Калёб тихо. – Она всегда говорила, что страх – это цена любопытства. И она готова была платить эту цену.

– Она была храброй женщиной.

– Да. Храбрее, чем я когда-либо буду.

Лена повернулась к нему:

– Вы тоже храбрый, Калёб. Просто по-другому.

– По-другому?

– Элиза была храброй, потому что не боялась смерти. Вы храбрый, потому что боитесь – и всё равно идёте вперёд.

Калёб смотрел на неё, и что-то дрогнуло в его груди. Впервые за двадцать лет он чувствовал, что кто-то по-настоящему понимает его.

– Спасибо, – сказал он. – За то, что вы здесь. За то, что верите в меня.

– Всегда, – ответила она просто.

Они сидели в молчании, пока звёзды медленно плыли за куполом наблюдательного зала. И впервые за долгое время Калёб чувствовал себя готовым к тому, что ждёт впереди.

Запуск «Прометей» состоялся в шесть ноль-ноль по корабельному времени. Весь экипаж «Рассвета Одиссея» собрался в ангаре, чтобы проводить четверых смельчаков в путь.

Калёб стоял у люка модуля, глядя на лица собравшихся. Он видел страх в их глазах – и надежду. Они верили в него. Верили, что он вернётся с ответами.

– Я не буду произносить длинных речей, – сказал он. – Вы все знаете, зачем мы летим. И знаете, чем рискуем. Я только хочу сказать... – он помедлил, подбирая слова, – спасибо. За то, что вы здесь. За то, что вы со мной.

Накура шагнул вперёд и протянул руку:

– Удачи, командор. Мы будем ждать.

Калёб пожал его руку:

– Держите корабль готовым. Когда мы вернёмся, нам может понадобиться быстрый отход.

– Будет сделано.

Калёб кивнул и повернулся к люку. Лена, Теорем и Зкаал уже были внутри. Он сделал шаг – и остановился.

– Капитан, – сказал он, не оборачиваясь, – если мы не вернёмся... передайте данные в Конфедерацию. Всё, что мы узнали. Пусть знают правду о Цепи.

– Вы вернётесь, – ответил Накамура.

Калёб улыбнулся:

– Я постараюсь.

Люк закрылся за ним. «Прометей» задрожал, когда активировались двигатели. Через минуту створки ангара открылись, и модуль скользнул в бесконечность космоса.

Впереди ждала Цепь. Впереди ждали ответы.

И впереди ждала неизвестность.

Глава 3: Под поверхностью

Сектор Тау, 2847 год Флагманский корабль «Рассвет Одиссея» Орбита дрейфа, 28 световых лет от Цепи

Возвращение «Прометея» на борт флагмана стало событием, которое экипаж запомнит надолго. Когда повреждённый модуль опустился на посадочную платформу ангара, там собралась почти треть команды – те, кто не был занят на дежурстве. Кaleb видел их лица через иллюминатор: смесь облегчения, любопытства и затаённого страха.

Люк открылся, и он шагнул наружу первым. Ноги подкосились – сказывались часы в невесомости и перегрузки при прорыве через периметр Стражей. Накамура оказался рядом мгновенно, подхватив его под локоть.

– Командор, – голос капитана был хриплым, – рад видеть вас живым.

– Взаимно, Хирш. – Кaleb выпрямился, заставляя себя стоять прямо. Командир не имеет права показывать слабость. – Соберите старших офицеров в конференц-зале через час. У нас есть... многое рассказать.

– Есть, командор.

Лена вышла следом, поддерживая Теорема, который выглядел совершенно измотанным. Профессор бормотал что-то себе под нос, его глаза за очками блуждали, словно он всё ещё видел образы, показанные Хранителем. Зкаал покинул модуль последним – его кристаллическое тело тускло мерцало, признак крайнего утомления даже для каэлиста.

Медицинская команда под руководством доктора Чжоу немедленно окружила прибывших, но Кaleb отмахнулся от их заботы:

– Позже. Сначала – брифинг.

– Командор, вам необходимо обследование...

– Позже, доктор. – Его голос был твёрдым. – То, что мы узнали, не может ждать.

Конференц-зал был переполнен. Помимо обычного командного состава, присутствовали главы научных подразделений, старшие инженеры и даже несколько младших офицеров, которых Накамура счёл нужным пригласить. Кaleb не возражал – чем больше людей услышат правду из первых уст, тем лучше.

Он стоял во главе стола, опираясь руками о его поверхность. Усталость давила на плечи, но он не мог позволить себе сесть. Не сейчас.

– То, что я вам расскажу, – начал он, – изменит всё, что мы знали о Цепи. О Предтечах. О нашем месте во Вселенной.

Он активировал голографический проектор, и над столом развернулись записи из сердца Цепи: пульсирующие стены проводника, центральный узел, светящаяся сфера Хранителя. Офицеры смотрели в молчании, и Кaleb видел, как их лица меняются – от недоверия к изумлению, от изумления к благоговению.

– Мы установили контакт, – продолжал он. – Не с машиной. С разумом. Существом, которое называет себя Хранителем – последним из Предтеч, загруженным в структуру Цепи миллиард лет назад.

Ропот прокатился по залу. Кaleb поднял руку, призывая к тишине.

– Хранитель показал нам правду. Цепь – не оружие и не угроза. Это спасительный механизм. Предтечи обнаружили аномалию в центре галактики – так называемую Сингулярность Распада. Она медленно расширяется и через миллионы лет уничтожит всё живое.

Он переключил изображение, показывая схематичную карту галактики с тёмным пятном в центре.

– Цепь вычисляет параметры для создания контр-сингулярности – точки в пространстве-времени, которая нейтрализует угрозу. Расчёт длится миллиард лет и завершится через пятьдесят лет. Если Цепь выполнит свою задачу, галактика будет спасена. Если её уничтожить... – он помедлил, – мы обречём триллионы будущих жизней на смерть.

Тишина. Абсолютная, оглушающая.

Потом заговорил майор Вэнс:

– Командор, с уважением... как мы можем быть уверены, что это правда? Это существо – что бы оно ни было – могло солгать.

– Оно показало мне образы, майор. Не словами – напрямую, в мой разум. Я видел рождение Предтеч, их борьбу, их жертву. – Калёб покачал головой. – Я не могу доказать вам это научными методами. Но я знаю, что видел правду.

– Я тоже видела, – подала голос Лена. – Все мы на «Прометее» видели одно и то же. Это не могло быть галлюцинацией или манипуляцией.

– Каэлистская наука признаёт существование прямой ментальной коммуникации, – добавил Зкаал. Его голос, обычно холодный и отстранённый, звучал непривычно мягко. – То, что мы пережили, соответствует древним описаниям контакта с высшими сущностями. Я верю, что Хранитель говорил правду.

Калёб кивнул:

– Благодарю, командер. – Он обвёл взглядом присутствующих. – Я понимаю ваш скептицизм. Понимаю, что это звучит как... как сказка. Но у нас есть и научные данные.

Он повернулся к Теорему:

– Профессор?

Теорем поднялся, всё ещё выглядя потрясённым, но профессиональная привычка взяла верх.

– Записи с «Прометея» содержат терабайты информации, – начал он, активируя собственную проекцию. – Мы ещё не завершили анализ, но предварительные результаты... ошеломляющие.

На экране появились спектрограммы, графики, схемы.

– Внутренняя структура проводника подтверждает теорию о симбиотической природе Цепи. Это не машина в нашем понимании – это живой организм из материи и энергии. Энергетические паттерны центрального узла соответствуют моделям нейронной активности – только в масштабе, превышающем наше воображение.

– И ещё кое-что, – добавила Лена, вставая рядом с Теоремом. – Мы зафиксировали направленные сигналы, уходящие за пределы галактики. В направлении скопления Девы, примерно пятьдесят миллионов световых лет.

– Что это значит? – спросил кто-то из задних рядов.

– Это значит, что наша Цепь – возможно, не единственная. Предтечи могли создать сеть подобных структур по всей Вселенной, координирующих усилия по нейтрализации глобальной угрозы.

Снова тишина. Масштаб сказанного был слишком огромен, чтобы сразу осмыслить.

Калёб выпрямился:

– Вопросы?

Рук поднялось множество. Он отвечал на них терпеливо, подробно – объясняя то, что знал, признавая то, чего не знал. Брифинг растянулся на три часа, и к концу все были измотаны – но также были едины в понимании ситуации.

Когда последний офицер покинул зал, Калёб позволил себе опуститься в кресло. Накамура остался с ним.

– Что дальше, командор?

– Дальше – самое трудное. – Калёб потёр лицо руками. – Флот Странн прибудет через четыре недели. Двенадцать боевых кораблей с приказом уничтожить Цепь.

– И вы собираетесь их остановить.

– Я собираюсь попытаться их убедить. – Калёб посмотрел на капитана. – Но если не получится... да. Я остановлю их. Любой ценой.

Накамура долго смотрел на него. Потом медленно кивнул:

– Я с вами, командор. До конца.

– Спасибо, Хирш.

– Не благодарите. Просто... постарайтесь, чтобы этот конец не наступил слишком скоро.

Следующие дни превратились в марафон анализа данных. Научная команда работала круглосуточно, разбирая записи «Прометей» кадр за кадром, байт за байтом. Калёб участвовал в работе, когда мог – его знания астрофизики, хотя и устаревшие, всё ещё были полезны.

Но большую часть времени он проводил в планировании.

В его каюте, за закрытыми дверями, собирались доверенные офицеры: Накамура, Окунде, Лена, иногда Зкаал. Они обсуждали варианты, строили сценарии, готовились к тому, что казалось неизбежным – противостоянию с собственным командованием.

– У Странн двенадцать кораблей, – говорил Накамура, водя пальцем по тактической проекции. – Два дредноута, четыре тяжёлых крейсера, шесть фрегатов поддержки. Плюс истребительные звенья. Против наших семи судов – это подавляющее превосходство.

– Не семи, – поправил Зкаал. – Согласие направило подкрепление. Ещё четыре корабля – два крейсера и два носителя. Они прибудут через неделю.

– Одиннадцать против двенадцати, – Калёб покачал головой. – Всё равно недостаточно. Дредноуты Конфедерации – мощнейшие боевые корабли в человеческом пространстве. Один такой корабль стоит трёх наших крейсеров.

– Тогда нам нужна другая тактика, – сказала Окунде. – Не прямое столкновение.

– Что вы предлагаете?

– Территориальное преимущество. – Она вывела на экран карту сектора. – Мы знаем этот регион лучше, чем Странн. Знаем гравитационные аномалии, радиационные пояса, особенности навигации вблизи Цепи. Если мы заманим их флот в невыгодную позицию...

– Это не война, – перебил Калёб. – Пока не война. Я хочу избежать кровопролития.

– С уважением, командор, – Накамура нахмурился, – но Странн не оставит нам выбора. Она известна своей... решительностью.

– Я знаю её репутацию.

Генерал Виктория Странн. Калёб никогда не встречался с ней лично, но слышал достаточно. Ветеран десятков кампаний, железный командир, не терпящий возражений. Она пережила уничтожение целой колонии инопланетным оружием и с тех пор придерживалась одного принципа: любую непонятную угрозу нужно уничтожать превентивно.

Для неё Цепь была именно такой угрозой. И никакие аргументы её не переубедят.

– Тогда что вы предлагаете? – спросила Лена.

– Я предлагаю... – Калёб замолчал, собираясь с мыслями. – Я предлагаю дать ей доказательства. Не слова – факты. Записи из сердца Цепи, данные анализа, контакт с Хранителем.

– Она не поверит.

– Возможно. Но другие – могут. В её флоте есть учёные, офицеры, простые люди. Если мы сможем достучаться до них, посеять сомнения...

– Вы хотите расколоть её команду изнутри? – Зкаал склонил голову. – Это... неожиданная тактика для человека.

– Это тактика отчаяния, – признал Калёб. – Но у нас нет лучших вариантов.

На пятый день после возвращения с Цепи произошло событие, которое нарушило хрупкое равновесие на борту «Рассвета Одиссея».

Кaleb был в научном отсеке, обсуждая с Леной детали анализа, когда его вызвали по интеркому.

– Командор, – голос лейтенанта связи звучал напряжённо, – вам лучше подняться на мостик. У нас... ситуация.

Он прибыл через три минуты и застал картину, которая не сулила ничего хорошего. Майор Вэнс стоял у центральной консоли, рядом с ним – двое морпехов охраны. Между ними, с руками, скованными магнитными наручниками, стояла лейтенант Иша Мадхани.

– Что здесь происходит? – спросил Кaleb, и его голос прозвучал резче, чем он намеревался.

– Мы поймали шпиона, командор, – ответил Вэнс. Его лицо было каменным. – Лейтенант Мадхани использовала личный квантовый коммуникатор для передачи зашифрованных сообщений за пределы корабля.

Кaleb посмотрел на Мадхани. Молодая женщина стояла прямо, её лицо было бледным, но в глазах не было страха – только какое-то странное, отстранённое спокойствие.

– Это правда, лейтенант?

– Да, командор. – Её голос был ровным. – Я передавала информацию.

– Кому?

Пауза. Мадхани опустила глаза.

– Культ Завершения.

Ропот прокатился по мостику. Культ Завершения – религиозная организация, считавшая Цепь божественным посланием. Официально они не были террористами, но ходили слухи о их экстремистских ячейках, о саботаже, о фанатичной готовности умереть за свои убеждения.

– Почему? – спросил Кaleb, и в его голосе было больше печали, чем гнева.

Мадхани подняла глаза:

– Потому что они должны знать правду. Потому что Завершение близко, и миру нужно подготовиться.

– Какую именно информацию вы передавали?

– Всё. – Она не отвела взгляда. – Ваши планы, данные с «Прометей», контакт с Хранителем. Они имеют право знать.

Кaleb чувствовал, как гнев поднимается в груди, но заставил себя сохранять спокойствие.

– Вы понимаете, что это предательство? Что вы поставили под угрозу всю миссию?

– Я понимаю, что защищаю Цепь, – ответила Мадхани. – Так же, как и вы, командор. Мы на одной стороне.

– Мы не на одной стороне, если вы передаёте секретную информацию без моего ведома.

– Культ не враг. Они верят в то же, во что поверили вы после встречи с Хранителем. Что Цепь священна. Что её нужно защитить.

Кaleb молчал, обдумывая её слова. Часть его понимала логику Мадхани – если Культ действительно разделяет их цели, они могли бы стать союзниками. Но другая часть – та, что отвечала за безопасность экипажа – знала, что доверять фанатикам нельзя.

– Уведите её, – приказал он наконец. – Под арест до особого распоряжения.

– Командор... – начала Мадхани.

– Вы предали моё доверие, лейтенант. – Кaleb повернулся к ней спиной. – Мы поговорим позже, когда я решу, что с вами делать.

Морпехи увели её. Кaleb остался на мостике, глядя на звёзды за обзорным окном.

– Какой ущерб? – спросил он Вэнса.
– Сложно оценить, командор. Она передавала информацию как минимум две недели. Культ теперь знает о наших планах, о контакте с Хранителем, о приближении флота Странн.
– Они могут использовать это?
– Неизвестно. Культ непредсказуем. Они могут попытаться помочь нам. Или устроить собственную операцию, которая всё испортит. – Вэнс помолчал. – Рекомендую усилить охрану критических систем и провести проверку всего экипажа на предмет других... симпатизирующих.
Калев кивнул:
– Действуйте. Но осторожно. Последнее, что нам нужно – паранойя и взаимное недоверие.

Вечером того же дня Калев спустился в тюремный блок корабля – небольшое помещение с тремя камерами, обычно пустовавшее. Теперь в одной из них сидела Мадхани.

Она подняла голову, когда он вошёл. Её лицо было спокойным, без следов раскаяния.

– Командор.

– Лейтенант. – Калев остановился у силового поля, отделявшего камеру от коридора. – Я хочу понять.

– Что именно?

– Почему. Вы говорили мне о своей сестре, о том, как она погибла на «Касторее». Я думал, вы хотите правды, справедливости. Не... этого.

Мадхани встала и подошла к полю, остановившись в нескольких сантиметрах от его мерцающей поверхности.

– Прия верила в Цепь, – сказала она тихо. – Не как в научный объект – как в нечто большее. Перед отлётом она дала мне медальон с символом Культа. Сказала, что Завершение принесёт ответы на все вопросы.

– Она была членом Культа?

– Она была верующей. Как и я. – Мадхани посмотрела ему в глаза. – Когда я узнала, что вы возглавляете экспедицию к Цепи, я поняла – это знак. Шанс быть рядом с Завершением, помочь ему свершиться.

– Вы использовали меня.

– Я служила высшей цели.

Калев почувствовал горечь во рту. Он доверял ей. Видел в ней союзника, может быть, даже друга. И всё это время...

– Что Культ планирует? – спросил он.

– Я не знаю деталей. Они не посвящают... рядовых членов в стратегические планы. Но я знаю, что они готовят что-то. Что-то большое.

– Это должно меня успокоить?

– Это должно показать вам, что мы не враги. – Мадхани шагнула ближе к полю. – Командор, послушайте. Культ верит в то же, во что поверили вы после встречи с Хранителем. Что Цепь священна, что Завершение необходимо, что его нужно защитить. Мы можем быть союзниками.

– Союзники не шпионят друг за другом.

– Я делала то, что считала правильным. – В её голосе не было извинений. – Культ должен был знать правду. Теперь они знают – и они будут действовать.

– Как?

– Я не знаю. Но я знаю, что это поможет вам.

Кaleb долго смотрел на неё, пытаясь понять – верить ли ей. Фанатики непредсказуемы. Они могут помочь – или всё разрушить.

– Вы останетесь здесь до конца миссии, – сказал он наконец. – Если ваши... друзья действительно помогут, я пересмотрю ваше положение. Если нет...

– Я понимаю.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Командор?

Он остановился.

– Прия говорила о вас, – сказала Мадхани. – В своих письмах. Говорила, что вы хороший человек. Что вы сделаете правильный выбор, когда придёт время.

Кaleb не ответил. Он вышел из тюремного блока и долго стоял в коридоре, глядя в пустоту.

Правильный выбор. Как будто он знал, что это такое.

На следующий день прибыло каэлистское подкрепление – четыре корабля, вынырнувшие из сверхсвета на границе системы. Зкаал встретил их командиров на нейтральной территории, и вечером доложил Калебу результаты.

– Согласие полностью поддерживает нашу позицию, – сказал он. – Высший Совет изучил данные, которые мы передали, и пришёл к выводу, что защита Цепи – приоритет номер один.

– Они готовы воевать с Конфедерацией?

– Они готовы защищать наследие Предтеч любыми средствами. – Зкаал помолчал. – Это не то же самое, но близко.

Кaleb кивнул. Каэлисты – ненадёжные союзники, их мотивы не всегда совпадают с человеческими. Но сейчас они были на одной стороне, и это главное.

– Какова боевая мощь ваших новых кораблей?

– Два крейсера класса «Кристалл» – аналоги ваших тяжёлых крейсеров, но с лучшей бронёй и системами РЭБ. Два носителя с истребительными звеньями – в общей сложности сто двадцать малых аппаратов.

– Это уравнивает шансы.

– Не совсем. – Зкаал наклонил голову – каэлистский эквивалент пожимания плечами. – Дредноуты Конфедерации всё ещё представляют серьёзную угрозу. Но у нас есть преимущество, которого нет у них.

– Какое?

– Мы знаем, за что сражаемся.

Научный анализ данных «Прометея» продолжался, и каждый день приносил новые открытия. Лена и Теорем работали как одержимые, практически не покидая лабораторию.

На восьмой день Лена пришла к Калебу с отчётом, от которого у него перехватило дыхание.

– Мы расшифровали часть информационных потоков из центрального узла, – сказала она, выводя на экран сложную диаграмму. – Это... это невероятно, Кaleb.

– Показывайте.

– Смотрите. Эти паттерны – они соответствуют моделям вычислений, которые мы используем для предсказания астрофизических явлений. Но в масштабе, который... – она покачала головой. – Цепь буквально моделирует всю галактику. Каждую звезду, каждую планету, каждый астероид. Траектории, гравитационные взаимодействия, эволюцию – всё.

– Зачем?

– Чтобы найти идеальные координаты для контр-сингулярности. – Лена указала на центральную часть диаграммы. – Смотрите сюда. Это область вблизи галактического ядра, где, по расчётам Цепи, нужно создать противовес. Но точное место... оно меняется с каждым мгновением, потому что галактика – не статичная система. Всё движется, взаимодействует, влияет друг на друга.

– И Цепь отслеживает всё это?

– В реальном времени. Миллиард лет. – Лена посмотрела на него. – Кaleb, вы понимаете, что это значит? Цепь – это самая сложная система прогнозирования в истории. Она предсказывает будущее галактики с точностью, которую мы даже представить не можем.

Кaleb смотрел на диаграмму, и масштаб происходящего давил на него.

– Есть ещё кое-что, – продолжала Лена. – Мы нашли... аномалию в данных.

– Какую?

– Дополнительный информационный поток. Не связанный с основным вычислением. Он... он содержит что-то вроде... архива.

– Архива?

– Записи. Образы, звуки, что-то похожее на текст. – Лена помедлила. – Кaleb, я думаю, это память Предтеч. Их история, их культура, их знания. Всё, что они были – сохранено в Цепи.

Кaleb почувствовал, как мурашки бегут по спине. Целая цивилизация, исчезнувшая миллиард лет назад, – и её наследие, спрятанное в недрах величайшей машины во Вселенной.

– Можем мы получить доступ?

– Теоретически – да. Но это займёт время. Годы, может быть, десятилетия. – Лена улыбнулась. – Но представьте, Кaleb. Представьте, что мы сможем узнать. Не только о Предтечах – о Вселенной. О её истории, о её будущем.

– Сначала нужно убедиться, что Цепь выживет, – напомнил Кaleb.

– Да. – Улыбка Лены погасла. – Сначала – это.

На двенадцатый день после возвращения с Цепи Кaleb получил сообщение, которого ждал и боялся.

– Командор, – голос Накамуры в интеркоме был напряжённым, – флот Странн вышел из свержсвета. Они в системе.

Кaleb был на мостике через две минуты. На тактическом дисплее светились двенадцать красных точек – корабли Конфедерации, расположившиеся в двух световых часах от «Рассвета Одиссея».

– Дистанция?

– Примерно девяносто астрономических единиц. Они не приближаются, просто... стоят.

– Входящая передача, – доложил офицер связи. – Требование соединения от флагмана «Немезис».

– На экран.

Главный дисплей мигнул, и на нём появилось лицо генерала Виктории Странн.

Ей было пятьдесят пять лет, но выглядела она старше – суровое, жёсткое лицо, с глубокими морщинами у рта и глаз. Седые волосы были коротко острижены, серые глаза смотрели с холодной оценкой. На плечах – эполеты полного генерала Конфедерации, на груди – ряды наград за безупречную службу.

– Командор Тайген, – её голос был таким же холодным, как и взгляд. – Я думала, мы встретимся при других обстоятельствах.

– Генерал Странн. – Кaleb встал прямо, глядя в камеру. – Я получил ваши приказы.

– Тогда вы знаете, зачем я здесь.

– Знаю. И прошу вас выслушать меня, прежде чем действовать.

Пауза. Странн изучала его взглядом, словно хищник – добычу.

– У вас есть пять минут, командор.

Калёб глубоко вдохнул и начал говорить. Он рассказал всё – экспедицию на «Прометее», контакт с Хранителем, правду о назначении Цепи. Он говорил убеждённо, страстно, вкладывая в слова всё, что чувствовал.

Странн слушала молча, её лицо оставалось непроницаемым.

Когда он закончил, она помолчала несколько секунд. Потом заговорила:

– Командор Тайген, я ценю вашу... страсть. Но то, что вы описываете – контакт с инопланетным разумом, видения прошлого, галактическая угроза – это не доказательства. Это истории.

– У нас есть записи...

– Записи можно подделать. Или неправильно интерпретировать. – Странн наклонилась вперёд. – Я провела сорок лет на службе Конфедерации. Видела, как непонятные технологии уничтожают целые миры. Видела, как люди гибнут, потому что кто-то решил «изучить» угрозу вместо того, чтобы её устранить.

– Цепь – не угроза...

– Вы не можете этого знать, – перебила Странн. – Никто не может. Структура, существующая миллиард лет, созданная неизвестной цивилизацией, с неизвестным назначением. Вы готовы поставить судьбу человечества на кон, основываясь на словах... призрака?

– Я готов поставить судьбу человечества на кон, основываясь на правде, – ответил Калёб. – А правда в том, что уничтожение Цепи обречёт галактику.

– Или спасёт её. – Странн откинулась назад. – Ваши пять минут истекли, командор. У меня приказ Совета Безопасности – нейтрализовать угрозу. Я намерена его выполнить.

– Тогда вам придётся пройти через нас.

Тишина. На мостике «Рассвета Одиссея» замер даже воздух.

– Вы угрожаете мне, командор? – голос Странн стал ещё холоднее.

– Я защищаю то, во что верю.

– Это мятеж.

– Называйте как хотите. – Калёб не отвёл взгляда. – Но я не позволю вам уничтожить Цепь.

Странн долго смотрела на него. Потом что-то изменилось в её глазах – не смягчение, скорее признание.

– У вас есть мужество, командор. Я уважаю это. – Она помедлила. – Двадцать четыре часа. У вас есть двадцать четыре часа, чтобы пересмотреть свою позицию. После этого... мы начнём операцию.

Экран погас.

Калёб выдохнул, не осознавая, что задерживал дыхание.

– Что теперь, командор? – спросил Накамура.

– Теперь мы готовимся, – ответил Калёб. – У нас есть сутки. Используем их максимально.

Следующие двадцать четыре часа превратились в лихорадочную подготовку. Калёб координировал действия с каэлистским флотом, выстраивая оборонительную позицию вокруг подступов к Цепи. Корабли занимали позиции, готовили вооружение, проверяли системы.

Но была и другая работа – более тонкая, более важная.

– Вы уверены, что это сработает? – спросил Калёб, глядя на Теорема, который настраивал массивный передатчик в центре связи.

– Нет, – честно ответил профессор. – Но попробовать стоит.

Идея была простой: передать записи из сердца Цепи напрямую на корабли флота Странн. Обойти командование, достучаться до простых офицеров и матросов. Показать им правду.

– Шифрование Конфедерации...

– Не проблема, – Теорем улыбнулся. – Я работал над военными системами связи тридцать лет назад. Знаю несколько... лазеек.

– Это незаконно.

– Мы уже мятежники, командор. Одно преступление больше, одним меньше...

Калеб не мог не улыбнуться.

– Делайте.

Передача началась за шесть часов до истечения ультиматума. Записи из сердца Цепи, образы, показанные Хранителем, научные данные – всё это полилось на корабли флота Странн, прорываясь через защиту, заполняя экраны и динамики.

Калеб не знал, что это изменит. Возможно – ничего. Но он должен был попытаться.

Ультиматум истёк в полночь по корабельному времени.

Калеб стоял на мостике «Рассвета Одиссея», окружённый офицерами. На тактическом дисплее двенадцать красных точек начали движение – медленное, но неумолимое. Флот Странн шёл к Цепи.

– Они приближаются, – доложил Накамура. – Скорость – двадцать процентов от максимальной. Боевой строй «Клин».

– Наши позиции?

– Готовы. Одиннадцать кораблей – семь наших, четыре каэлистских – на позициях вокруг главного подступа к Узлу-17.

Калеб смотрел на экран, и его сердце билось ровно, спокойно. Странно – он думал, что будет бояться. Но страха не было. Только холодная решимость.

– Входящая передача от «Немезиса», – доложил офицер связи.

– На экран.

Лицо Странн появилось снова. На этот раз она выглядела... другой. Не мягче – но как-то задумчивее.

– Командор Тайген, – сказала она, – я получила вашу... трансляцию.

– И?

Пауза.

– Мои офицеры... взволнованы. Некоторые требуют остановить операцию. Другие считают это провокацией.

– А вы, генерал?

Странн долго смотрела на него.

– Я видела много странного в своей жизни, командор. Но никогда – ничего подобного. – Она покачала головой. – Я не знаю, правда ли то, что вы показали. Но я знаю, что не могу это игнорировать.

У Калеба перехватило дыхание.

– Что вы предлагаете?

– Я предлагаю... паузу. – Странн произнесла это слово так, будто оно причиняло ей боль. – Двадцать четыре часа. Мои учёные изучат ваши записи, проверят данные. Если они подтвердят вашу версию...

– Вы остановите операцию?

– Я... пересмотрю приоритеты.

Это было не обещание. Не капитуляция. Но это было больше, чем Калеб ожидал.

– Согласен, – сказал он. – Двадцать четыре часа.

Экран погас. Красные точки на тактическом дисплее замедлились, остановились. Накамура повернулся к нему:

– Командор... вы думаете, это сработает?

– Не знаю, – честно ответил Кaleb. – Но мы выиграли время. А время – это всё, что нам нужно.

Следующие двадцать четыре часа прошли в напряжённом ожидании. Кaleb практически не спал – мониторил переговоры между кораблями флота Странн, следил за перемещениями, анализировал любые признаки изменения в их поведении.

На борту «Рассвета Одиссея» царила странная атмосфера – смесь надежды и страха. Экипаж знал, что они на грани войны с собственной страной. И знал, что это может закончиться гибелью для всех.

Лена нашла его в наблюдательном зале за три часа до истечения нового ультиматума.

– Вы должны отдохнуть, – сказала она, садясь рядом.

– Не могу.

– Кaleb... – она коснулась его руки. – Что бы ни случилось, вы сделали всё правильно.

– Вы так думаете?

– Я знаю. – Она посмотрела на звёзды за куполом. – Я думала о том, что показал нам Хранитель. О Предтечах, о их жертве. Они знали, что не увидят результата своей работы. Знали, что погибнут задолго до Завершения. И всё равно – построили Цепь.

– Это требует особого мужества.

– Это требует веры. – Лена повернулась к нему. – Веры в то, что будущее стоит спасения. Что те, кто придёт после нас, заслуживают шанса.

Кaleb молчал, обдумывая её слова.

– Мы можем не выжить в ближайшие дни, – сказал он наконец. – Если Странн решит атаковать...

– Тогда мы умрём, защищая то, во что верим. – Лена пожала плечами. – Есть худшие способы уйти.

– Вы не боитесь?

– Конечно, боюсь. – Она улыбнулась. – Но страх – не причина отступить.

Кaleb посмотрел на неё – на её лицо, освещённое мягким светом звёзд, на её глаза, полные тепла и решимости. И почувствовал, как что-то шевельнулось в его груди.

– Лена, я...

– Командор! – голос Накамуры в интеркоме прервал его. – Срочно на мостик! Происходит что-то странное.

Они побежали.

На мостике царил хаос. Офицеры склонились над консолями, голоса перекрывали друг друга.

– Доклад! – крикнул Кaleb, врываясь в помещение.

– Флот Странн... они движутся, – ответил Накамура. – Но не к нам. И не к Цепи.

– Куда?

– К границе системы. Они... они отступают.

Кaleb застыл.

– Что?

На тактическом дисплее двенадцать красных точек действительно двигались – прочь от Цепи, прочь от «Рассвета Одиссея», к краю системы.

– Входящая передача от «Немезиса».

– На экран.

Лицо Странн появилось в третий раз. И впервые за всё время – на нём была улыбка. Маленькая, едва заметная, но – улыбка.

– Командор Тайген, – сказала она, – мои учёные завершили анализ ваших данных. Они... подтверждают вашу версию.

У Калеба подкосились ноги.

– Генерал...

– Не перебивайте. – Странн подняла руку. – Я не говорю, что полностью верю в вашу историю о Хранителях и галактических угрозах. Но я признаю: данные убедительны. Достаточно убедительны, чтобы я не могла с чистой совестью уничтожить Цепь.

– Что вы намерены делать?

– Вернуться в Конфедерацию. Доложить Совету. Рекомендовать дальнейшее изучение вместо уничтожения. – Она помедлила. – Это не гарантия, командор. Совет может не послушать меня. Могут отправить другого командира, с другим приказом.

– Но вы дадите нам время.

– Да. Время – и шанс. – Странн наклонила голову. – Вы оказались прав, командор Тайген. Не часто я признаю такое.

– Благодарю вас, генерал.

– Не благодарите. – Её голос снова стал жёстким. – Если выяснится, что вы ошиблись... если Цепь окажется угрозой... я лично вернусь и закончу начатое.

– Понимаю.

– Хорошо. – Странн кивнула. – Удачи, командор. Вам она понадобится.

Экран погас. На тактическом дисплее красные точки продолжали удаляться – всё дальше, дальше, пока не исчезли за границей системы.

Калёб стоял посреди мостика, не в силах поверить в происходящее.

Они победили.

Не в битве – в чём-то более важном. Они убедили врага стать, если не союзником, то хотя бы не врагом.

– Командор... – голос Накамуры дрожал. – Мы... мы сделали это?

– Мы сделали первый шаг, – ответил Калёб. – Но это только начало.

Он посмотрел на Цепь, мерцающую вдалеке – триста нейтронных звёзд, работающих над спасением галактики. Миллиард лет труда, близящегося к завершению.

– Это только начало, – повторил он. – Но мы на правильном пути.

Рядом с ним стояла Лена, и её рука нашла его руку. Впервые за долгое время Калёб позволил себе надеяться.

Впереди было ещё много битв – политических, военных, идеологических. Совет Конфедерации, Культ Завершения, другие силы, которые захотят использовать Цепь в своих целях. Но сейчас, в этот момент, они одержали важнейшую победу.

Правда победила страх.

И это было только начало.

Глава 4: Артефакт

Сектор Тау, 2847 год Дрейфующая структура, 50 световых лет от Цепи Три недели после отступления флота Странн

Объект появился на сенсорах «Рассвета Одиссея» в три часа ночи по корабельному времени. Дежурный офицер сначала принял его за астероид – небольшое тело неправильной формы, дрейфующее в межзвёздной пустоте. Но когда алгоритмы анализа выдали результаты спектрального сканирования, он немедленно связался с командором.

Калёб прибыл на мостик через семь минут, всё ещё застёгивая китель. Сон приходил к нему с трудом в последние недели – слишком много мыслей, слишком много планов, слишком много неопределённости. Но усталость мгновенно отступила, когда он увидел данные на главном экране.

– Это не природный объект, – сказал дежурный офицер, молодой лейтенант по фамилии Корсаков. – Спектральный анализ показывает материалы, идентичные тем, из которых построены проводники Цепи.

Калёб наклонился к экрану, изучая показания. Объект имел неправильную форму – вытянутый эллипсоид примерно трёхсот метров в длину и ста пятидесяти в поперечнике. Его поверхность была покрыта геометрическими узорами, слишком регулярными для естественного происхождения.

– Расстояние?

– Примерно пятьдесят световых лет от ближайшего узла Цепи. Он дрейфует в межзвёздном пространстве, не привязанный ни к какой звёздной системе.

– Странно, – пробормотал Калёб. – Почему мы не обнаружили его раньше?

– Он находился за пределами нашего стандартного сканирования. Мы засекли его только потому, что расширили зону поиска после событий последних недель.

Калёб кивнул. После отступления флота Странн он приказал провести полное картографирование сектора – искать любые аномалии, любые следы Предтеч, которые могли ускользнуть от предыдущих экспедиций. И вот – первая находка.

– Разбудите доктора Кастро и профессора Теорема, – приказал он. – И подготовьте разведывательный шаттл.

К рассвету – или тому, что считалось рассветом по корабельному времени – исследовательская группа была готова. Калёб лично возглавил экспедицию, несмотря на возражения Накамуры о безопасности. Лена сидела рядом с ним в пассажирском отсеке шаттла, её глаза светились тем особенным блеском, который появлялся у неё при виде чего-то нового и непознанного.

– Вы думаете, это связано с Цепью? – спросила она, пока шаттл преодолевал расстояние до объекта.

– Материалы идентичны. – Калёб смотрел в иллюминатор, где далёкие звёзды складывались в незнакомые созвездия. – Но почему он так далеко от основной структуры? И почему дрейфует свободно, без привязки?

– Может быть, это обломок? Часть Цепи, отколовшаяся миллиарды лет назад?

– Возможно. Или... – он помедлил, – или это что-то другое. Что-то, что Предтечи оставили намеренно.

Теорем, сидевший за научной консолью в глубине отсека, оторвался от своих приборов:

– Я фиксирую слабое энергетическое поле вокруг объекта. Не защитное – скорее, что-то вроде маяка. Он излучает на частотах, близких к тем, которые использует Цепь для внутренней коммуникации.

– Он сигнализирует?

– Возможно. Или просто работает. После миллиарда лет.

Шаттл приближался к объекту, и теперь Кaleb мог рассмотреть его в деталях. Поверхность была покрыта не просто узорами – это были надписи. Тысячи, миллионы символов, вырезанных в металле, который не поддавался эрозии даже за миллиард лет. Они переплетались, накладывались друг на друга, создавая сложный, почти гипнотический рисунок.

– Письменность, – прошептала Лена. – Это письменность Предтеч.

– Или что-то вроде того, – согласился Теорем. – Но не такая, как на проводниках Цепи. Это другой стиль. Может быть, более древний.

Шаттл завис в нескольких сотнях метров от объекта. Кaleb изучал поверхность через увеличительные сенсоры и заметил нечто, что заставило его сердце забиться быстрее.

– Там. – Он указал на экран. – Видите? Это похоже на вход.

Тёмное отверстие в боку объекта – овальный проём примерно трёх метров в высоту и двух в ширину. Края были гладкими, идеально ровными, словно вырезанными лазером.

– Сенсоры не показывают активных защитных систем, – доложил пилот. – Радиация в пределах нормы. Атмосфера отсутствует, но это ожидаемо.

– Садимся, – решил Кaleb. – Готовьте скафандры.

Поверхность объекта под ногами была странно тёплой – даже через подошвы скафандра Кaleb чувствовал это. Он стоял у входа, глядя в темноту проёма, и ощущал странное чувство – словно стоял на пороге чего-то важного.

– Командор? – голос Лены в шлемофоне.

– Иду первым. Держитесь за мной.

Он шагнул внутрь.

Фонарь на шлеме пронзил темноту, осветив коридор – узкий, но достаточно высокий, чтобы идти в полный рост. Стены были покрыты теми же символами, что и снаружи, но здесь они светились – слабым, призрачным светом, который, казалось, появился в ответ на их присутствие.

– Объект реагирует на нас, – сказала Лена, идя следом. – Эти символы не светились минуту назад.

– Система активации, – предположил Теорем. – Энергосберегающий режим. Он просыпается.

Они продвигались по коридору, и с каждым шагом свечение становилось ярче. Кaleb чувствовал, как что-то меняется в атмосфере – не физически, скорее ментально. Словно невидимое присутствие наблюдало за ними, оценивало.

Коридор расширился, переходя в большой зал – куполообразное помещение диаметром около пятидесяти метров. И в центре...

– Невероятно, – выдохнула Лена.

В центре зала возвышалась колонна из того же материала, что и стены, – но эта колонна была живой. Она пульсировала светом, и с каждой пульсацией по её поверхности пробегали волны символов – не вырезанных, а проецируемых, меняющихся, живых.

– Это интерфейс, – сказал Теорем, подходя ближе. – Как тот, что мы видели в сфере-убежище. Но более... другой.

Кaleb остановился в нескольких метрах от колонны. Свечение было тёплым, приятным – не слепящим, как свет в сердце Цепи, но мягким, приглашающим.

– Как его активировать?

– Может быть... – Лена сделала шаг вперёд и протянула руку к колонне.

– Лена, подождите...

Но было уже поздно. Её пальцы коснулись поверхности – и зал взорвался светом.

Когда зрение вернулось, Калёб обнаружил, что стоит посреди космоса.

Нет, не настоящего космоса – голограммы. Огромной, всеобъемлющей проекции, заполнившей весь зал. Вокруг него сияли звёзды, галактики, туманности – целая Вселенная в миниатюре.

– Это карта, – прошептала Лена рядом с ним. Её голос дрожал от изумления. – Карта галактики.

Она была права. Калёб узнавал очертания – спиральные рукава, центральный балдж, тёмные провалы газопылевых облаков. Но эта карта показывала галактику не такой, какой они знали её сейчас.

– Смотрите на временную метку, – сказал Теорем, указывая на символы в углу проекции. – Если мои расчёты верны, это галактика миллиард лет назад.

– Когда Цепь была создана, – добавил Калёб.

– Да. – Теорем подошёл к проекции, и его рука прошла сквозь звёзды. – И смотрите. Вот Цепь.

В секторе Тау – там, где они знали её – светилась знакомая структура из трёхсот нейтронных звёзд. Но она была не одна.

– Господи, – выдохнула Лена.

По всей галактике – десятки, сотни подобных структур. Некоторые маленькие, всего несколько звёзд. Другие – огромные, превосходящие их Цепь в десятки раз. Они были везде: в спиральных рукавах, в гало, даже в центральном балдже, опасно близко к сверхмассивной чёрной дыре.

– Сеть, – сказал Калёб. – Предтечи построили сеть.

– Не просто сеть. – Теорем лихорадочно изучал проекцию. – Смотрите на цветовую кодировку. Синие – активные. Красные – завершённые или неактивные. Серые – в процессе строительства.

Калёб посмотрел на их Цепь. Она светилась синим – всё ещё активная после миллиарда лет.

– Большинство других – красные или серые.

– Да. – Теорем помрачнел. – Либо они завершили свои вычисления, либо были уничтожены. Или выключены.

– Но некоторые всё ещё синие, – заметила Лена. Она указала на несколько точек в разных частях галактики. – Смотрите. Пять, нет, шесть структур, включая нашу.

Калёб подошёл ближе к проекции, изучая синие точки. Они располагались по всей галактике – на огромных расстояниях друг от друга, но, казалось, образуя какой-то паттерн.

– Они координируют усилия, – сказал он вдруг. – Вот почему мы фиксировали сигналы, уходящие за пределы галактики. Цепи общаются друг с другом, синхронизируют вычисления.

– Но если одна из них будет уничтожена... – начала Лена.

– Весь расчёт нарушится, – закончил Теорем. – Контр-сингулярность будет создана с неправильными параметрами. Или вообще не будет создана.

Тишина повисла над ними – тяжёлая, давящая. Калёб смотрел на карту и чувствовал, как масштаб происходящего обрушивается на него.

Они защищали не просто свою Цепь. Они защищали часть гигантского механизма, охватывающего всю галактику. Механизма, работающего миллиард лет ради единственной цели – спасения Вселенной.

– Есть ещё кое-что, – сказала Лена. Её голос был странным – напряжённым, почти испуганным.

Она указала на центр галактики.

Там, в самом сердце, светилось что-то тёмное. Не чёрная дыра – Кaleb знал, как выглядят чёрные дыры на таких картах. Это было пятно. Растущее, пульсирующее пятно тьмы, которое медленно поглощало звёзды вокруг себя.

– Сингулярность Распада, – прошептал он.

– Миллиард лет назад она была меньше, – сказал Теорем. – Смотрите на масштаб. Сейчас она должна быть значительно больше.

Проекция мигнула, и карта изменилась. Теперь она показывала галактику в настоящем времени – Кaleb узнал расположение знакомых звёзд и созвездий. И тёмное пятно в центре было действительно больше. Намного больше.

– Оно растёт, – сказала Лена. – Медленно, но неуклонно.

– И через пятьдесят лет... – начал Кaleb.

– Через пятьдесят лет Цепи завершат вычисления и создадут контр-сингулярность, – закончил Теорем. – Или не создадут. В зависимости от того, выживут ли они.

Кaleb смотрел на пульсирующую тьму в сердце галактики и чувствовал холод внутри. Это была угроза, о которой говорил Хранитель. Реальная, видимая, неумолимая.

И они были одной из последних линий обороны.

Они провели в артефакте несколько часов, изучая проекции, записывая данные, пытаясь понять назначение различных систем. Помимо галактической карты, колонна-интерфейс показывала множество других вещей: схемы строительства Цепей, данные о Предтечах, что-то похожее на научные записи или инструкции.

Но больше всего Калеба заинтересовало одно конкретное изображение.

Оно появилось, когда Теорем случайно активировал последовательность символов на стене. Проекция мигнула, и над колонной развернулась фигура – гуманоидный силуэт, но явно не человеческий.

Существо было высоким – около трёх метров, судя по пропорциям. Тонкое, изящное тело, покрытое чем-то, напоминающим чешую или перья. Голова – удлинённая, с множеством органов чувств, которые Кaleb не мог идентифицировать. И глаза – огромные, сложные, похожие на глаза насекомых, но с чем-то разумным, почти человеческим в их глубине.

– Предтеча, – прошептала Лена.

Существо на проекции двигалось – не как запись, скорее как интерактивная модель. Оно повернулось, показывая себя со всех сторон, и Кaleb заметил детали: тонкие руки с множеством пальцев, сложная структура суставов, что-то похожее на крылья или плавники на спине.

– Они были красивыми, – сказала Лена тихо. – По-своему.

– Они были чуждыми, – поправил Теорем. – Но да. Красивыми.

Проекция изменилась, показывая других Предтеч – группу существ, работающих над чем-то, что напоминало модель Цепи. Они общались – не звуками, а, судя по всему, световыми импульсами, пробегавшими по их телам. Это было похоже на танец – сложный, гипнотический, полный смысла, который люди не могли понять.

– Они были социальными существами, – заметила Лена. – Работали вместе, планировали вместе.

– И умерли вместе, – добавил Кaleb. – Вымерли миллиард лет назад, оставив только свои творения.

Проекция мигнула в последний раз и погасла. Зал снова погрузился в полумрак, освещённый только слабым свечением символов на стенах.

– Нам нужно вернуться на корабль, – сказал Кaleb. – И проанализировать всё, что мы нашли.

– Согласна, – кивнула Лена. – Но можем мы вернуться сюда? Позже?

– Да. – Кaleb посмотрел на колонну-интерфейс. – Этот артефакт слишком важен, чтобы просто уйти. Мы установим охрану и начнём систематическое изучение.

Они направились к выходу, но у самого порога Лена остановилась.

– Кaleb?

– Да?

Она смотрела на него странным взглядом – смесь изумления, страха и чего-то ещё.

– Вы понимаете, что это значит? Вся эта информация, эти записи... мы нашли библиотеку Предтеч. Хранилище их знаний.

– Понимаю.

– Это меняет всё. Не только для нашей миссии. Для всего человечества. Для всех разумных видов в галактике.

Кaleb кивнул:

– Я знаю. Но сначала нам нужно убедиться, что всё это выживет. Что Цепь выполнит свою работу.

– Да. Сначала – это.

Возвращение на «Рассвет Одиссея» прошло без происшествий. Кaleb немедленно созвал совещание командного состава, на котором представил находки. Реакция была предсказуемой – изумление, недоверие, затем – осознание масштаба.

– Шесть активных Цепей по всей галактике, – повторил Накамура, глядя на проекцию карты. – И все они должны завершить вычисления скоординированно.

– Каждая вносит свою часть в общий расчёт, – объяснил Теорем. – Результаты объединяются, и только тогда создаётся контр-сингулярность.

– А если одна из них выйдет из строя?

– Тогда весь расчёт нарушится. Это как уравнение с шестью неизвестными. Если одно из них будет неправильным, весь результат бесполезен.

– Но мы не знаем, где находятся другие Цепи, – сказала Окунде. – Карта показывает их положение миллиард лет назад. Галактика с тех пор изменилась.

– Верно, – согласился Кaleb. – Но мы можем экстраполировать. Звёзды движутся медленно – за миллиард лет их положение изменилось, но не критично. С достаточной вычислительной мощностью мы можем рассчитать текущие координаты.

Обсуждение продолжалось часами. К концу совещания был разработан план: Теорем и его команда займутся расчётом координат других Цепей, Лена продолжит анализ данных из артефакта, а Кaleb сосредоточится на политических аспектах – союзах, угрозах, возможностях.

В ту ночь Кaleb снова не мог заснуть. Он бродил по кораблю, заглядывая в лаборатории, проверяя посты охраны, просто двигаясь. И оказался в обсервационном зале почти случайно.

Лена была там.

Она обернулась, услышав его шаги.

– Не спится?

– Вам тоже, похоже.

– Слишком много мыслей. – Она кивнула на соседнее кресло. – Присоединитесь?

Он сел рядом, и некоторое время они молчали, глядя на звёзды. Цепь мерцала вдали – знакомое сияние, которое теперь означало для них гораздо больше.

– Я всё думаю о Предтечах, – сказала Лена наконец. – О том, какими они были. Чего хотели. Почему сделали то, что сделали.

– И к чему пришли?

– К тому, что они были как мы. Не физически, конечно. Но внутри. Они любили, боялись, надеялись. Они хотели, чтобы Вселенная продолжала существовать, даже если их самих уже не будет.

– Это утешительно?

– По-своему. Это значит, что мы не одиноки. Не в смысле «есть другие разумные виды». Но в смысле того, что кто-то до нас уже сталкивался с теми же вопросами. И нашёл ответы.

– Ответ – построить машину из трёхсот нейтронных звёзд?

– Ответ – сделать что-то для тех, кто придёт после. – Её голос стал тише. – Кaleb, вы думали о том, что будет после? После Завершения, после того, как угроза будет нейтрализована?

– Честно? Нет. Я думал только о том, как дожить до этого момента.

– А я думала. Если Цепь выполнит свою задачу, если галактика будет спасена – это откроет новую эру. Эру, когда разумные виды будут знать, что они часть чего-то большего. Что их существование имеет смысл.

– Или они забудут, – возразил Кaleb. – Через несколько поколений это станет просто историей. Легендой. А потом – мифом.

– Может быть. Но даже мифы имеют силу. Даже легенды формируют нас.

Кaleb молчал, обдумывая её слова. Легенды о Предтечах, о Цепи, о спасении – будут ли они рассказывать их через тысячу лет? Через миллион?

– Лена, – сказал он вдруг, – я рад, что вы здесь.

Она посмотрела на него:

– Что?

– Рад, что вы здесь. На этом корабле, в этой миссии. Рядом со мной.

Она не ответила сразу. В полумраке зала её глаза казались очень большими, очень тёмными.

– Кaleb, я...

– Вы не обязаны ничего говорить. Я просто хотел, чтобы вы знали.

Лена молчала несколько долгих секунд. Потом – медленно, осторожно – протянула руку и взяла его ладонь в свою.

– Я тоже рада, – сказала она тихо. – Что вы здесь.

Они сидели так, рука в руке, глядя на звёзды. И Кaleb чувствовал, как что-то меняется внутри него – старая боль, которую он носил двадцать лет, начинала отступать. Не исчезать – он знал, что она никогда полностью не уйдёт. Но смягчаться.

– Элиза, – сказал он вдруг, и сам удивился тому, как легко произнёс это имя. – Она бы хотела, чтобы я продолжал жить. Не просто существовал, а жил.

– Вы любили её.

– Да. И часть меня всегда будет любить. Но это не значит, что моё сердце должно быть закрыто навсегда.

Лена сжала его руку крепче:

– Кaleb...

– Не сейчас. Не здесь, не так. Нам предстоит слишком много всего. Но когда это закончится, если мы выживем...

– Если мы выживем, – повторила она.

– Если мы выживем, я хочу узнать вас лучше. По-настоящему. Не как командир и научный офицер. Как люди.

Лена долго смотрела на него. Потом улыбнулась – тепло, искренне.

– Мне бы это понравилось.

Они сидели в тишине, пока первые лучи искусственного «рассвета» не начали просачиваться через купол. И впервые за очень долгое время Кaleb чувствовал, что будущее – какое бы оно ни было – стоит того, чтобы за него бороться.

Следующие дни превратились в марафон работы. Теорем и его команда трудились над расчётом координат других Цепей. Лена руководила анализом данных из артефакта. А Кaleb координировал всё остальное – патрулирование, снабжение, связь с союзниками.

На пятый день после возвращения с артефакта произошло неожиданное.

– Командор, – голос Накамуры в интеркоме был напряжённым, – вам лучше подняться на мостик. У нас гости.

На тактическом дисплее светился незнакомый корабль – небольшое гражданское судно, вышедшее из сверхсвета на границе системы.

– Идентификация?

– Научный корабль «Пилигрим», зарегистрирован в Свободных Мирах. – Накамура помедлил. – Но сигнатура двигателей не соответствует заявленной. Это... что-то другое.

– Входящая передача.

На экране появилось лицо женщины – молодой, с тёмными волосами и глазами, которые горели особенным светом.

– Командор Тайген, – сказала она. – Меня зовут Марен Волк. Я думаю, нам нужно поговорить.

Кaleb почувствовал, как его тело напрягается. Марен Волк – неформальный лидер Культа Завершения. Женщина, о которой рассказывала Мадхани.

– Доктор Волк, – сказал он осторожно. – Вы далеко от дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.